

[00:00:00] [Начало записи.]

Владислав Жуковский: Дорогие друзья и коллеги, рады вас видеть уже шестой раз на Московском экономическом форуме. Мы с Дмитрием Потапенко бесценно стараемся каждый год проводить секцию, посвящённую вопросам экономики и предпринимательства в стране, причем мы стараемся делать максимально жестко, предметно и с предметным анализом. Давайте подведем некоторые итоги того пресловутого «развития» в кавычках, которое мы наблюдали последние годы. Давайте назовем это просто по-другому – таким застойным стабильным и движением куда-то в сторону экономической Припяти.

То есть с 2012 по 2016 год нам долго с вами рассказывали, что наша экономика, оказывается, росла, развивалась, и все было хорошо и замечательно. По факту оказалась очень странная ситуация, когда размер ВВП в реальном выражении, а точнее упал 1%. То есть за последние 5-6 лет это была, по большому счету, потерянная шестилетка, падение экономики, по сути, более чем на процент. При этом пресловуто, что Соединенные Штаты выросли на 8,5%, Европейский союз на 6,5%, мировая экономика на 12%, Китай и Индия на 32%.

Как мы видим, что никаких выводов в организационных штатах сделано не было. В принципе, большинство, судя по всему, россиян все устраивает. В итоге шесть лет застоя, роста нищеты, утечки капитала, умов никому ничего не научили.

Напомню, что мы находимся сегодня в здании Российской академии наук, и буквально неделю назад были озвучены цифры по утечке умов из страны. За последние три года отток высококвалифицированных сотрудников от науки вырос более чем в 2,5 раза. То есть ежегодно теперь из России эвакуируется порядка 50 тыс. человек, которые занимаются фундаментальными прикладными исследованиями.

Одновременно с этим за последние же шесть лет чистый вывоз капитала из страны превысил 350 млрд долл., и, в принципе, эта брешь, ее никто не латает. Как утекали деньги, так утекают умы из экономики.

Надо четко себе отдавать отчет, что наша секция называется «От застоя к развитию», и что нас ждет новый президентский цикл, но есть очень устойчивое ощущение того, что ничего хорошего не ждет, и первые шаги, которые были анонсированы Правительством, в частности комитетом Медведева, четко дают понять, что закручивать гайки будут и дальше. То есть это касается и повышения ставок на «Платон», и повышение акцизов на топливо, причем в нарушение Бюджетного кодекса федерального законодательства, и отмена льгот по кадастровой оценке недвижимости, то есть повышение оплаты налога на недвижимое

имущество. И то, о чем мы уже полтора года говорим на «Столыпинском клубе» в «Деловой России», параллельное повышение налога на добавленную стоимость (НДС) примерно до 22%, и налога на доходы физлиц до 15%, само собой, без прогрессивной шкалы. Потому что резать тот суку, на котором сидит у нас пресловутый правящий олигархический капитал, никто не собирается и не планирует.

Что касается последних десяти лет, то мы об этом много раз говорили, что последняя десятилетка оказалась потерянной. Мы за это время умудрились вырасти, то есть российская экономика, всего лишь на 4,5%. Если мы это поделим на среднегодовые темпы роста, получится в районе 0,2-0,3% максимум, с учетом сложных процентов. За это же самое время, например, мировая экономика выросла на 28%, США выросли на 13%, Саудовская Аравия и Казахстан, тоже более чем сырьевые экономики, почему-то они не упали, а выросли на 34-38%, Индия и Китай выросли на 80-90% соответственно. За это же время рубль к доллару упал в 2,5 раза. Можем четко понимать, что покупательная способность и доходов, и сбережений населения упали как минимум в 2,5 раза. И чистый вывоз капитала из страны со стороны именно крупного капитала – мы прекрасно понимаем, что это далеко не бабушки и не дедушки, не пенсионеры деньги выводят из страны, далеко даже не малый бизнес, ибо нет просто такого количества денег, а это именно более приближенные к вертикали власти и структуры кооператива «Озеро» условного, и, естественно, госбанки и те, кто приближены к кормушке, к распилу бюджетных потоков. Чистый вывоз капитала за последние 10 лет превысил 680 млрд долл. Еще 520 млрд долл. – это чистые платежи за рубеж российскими компаниями и банками на обслуживание долгов и выплату дивидендов. То есть суммарный вывоз капитала больше 1 трлн 150 млрд долл. В ценах текущего 2016-2018 годов это размер российской экономики практически целиком.

На этом вся история не остановилась. За последние 10 лет у нас инвестиции в экономику не выросли, а упали на 3%. Я думаю, что у нас более чем квалифицированные люди собраны в зале и в спикерах, и прекрасно понимают, что невозможно никакого развития страны, развития экономики, развития технологического потенциала и человеческого капитала, невозможно вообще говорить о каком бы то ни было выходе из кризиса, если вы не инвестируете в экономику. Если у вас накопление капитала снижается, то текущий весь экономический рост последних 10 лет – по большому счету, было проедание оборотного капитала и влезание населения в долги, то есть инвестиционного роста не было практически никакого. И то, что мы получили в итоге, к сожалению, в том же самом Кемерово, то есть помимо разгильдяйства чиновников, сращивания вертикали власти с бизнесом, в целом, в принципе, вот это разложение всей виолончельной вертикали,

помимо прочего это еще колоссальная технологическая отсталость и безусловный инвестиционный кризис в стране.

[00:07:12]

И, пожалуй, ключевой фактор, про который говорит даже президент страны – это сохранение народонаселения. Мы замечательно сохраняем народонаселение. У нас естественная убыль населения за последние 10 лет превысила 900 тыс. человек, то есть это превышение смертности над рождаемостью. То есть и по развитию человеческого капитала, и по утечке капитала, и по падению инвестиций, и в целом по экономической динамике последние десятилетия – по большому счету, это приговор всей существующей вертикали власти, как бы мы ее ни называли: кооперативом «Озеро», виолончельной вертикалью или сакральным виолончельным царством, это уже не имеет значения.

Подводя итог моего выступления, хотел сказать, что мы сегодня попытаемся обсудить то, в какую сторону нам необходимо двигаться, какие изменения не на словах, а на деле нам нужны, чтобы вместо обещанного рывка куда-то в пропасть либо в застой мы все-таки двигались вперед, и не на словах, а на деле развивали экономику, занимались импортозамещением. И эти замечательные цифры по поддержке предпринимательства, их просто невозможно не процитировать.

Помню, в 2014 году президент Путин сказал, что нужно прекратить кошмарить бизнес. У нас в 2014 году количество уголовных дел против предпринимателей составляло 215 тыс. в год, а в 2017 году мы закрылись на уровне 275 тыс. уголовных дел. Из них около 6,5-7 тыс. предпринимателей садятся за решетку. Ежегодно у нас 450 тыс. плановых проверок, их реально сократили в 2,5 раза, но при этом нарастили количество внеплановых проверок, которые как снег на голову обычно падают, особенно это любят делать еще по заказу конкурентов. Внеплановых проверок больше 1,1 млн стало, их теперь в три раза больше, чем плановых.

В целом по 2017 году у нас количество закрытых предприятий превысило количество открытых предприятий более чем на 175 тыс. единиц. Поэтому, если мы хотим как-то из этого всего застоя и из этой разрухи выдвигаться и в другую сторону двигаться, думаю, надо радикально менять подходы к экономике, менять систему целеполагания, и, безусловно, кадровая чистка. Думаю, все люди, которые сидят сегодня у нас и в Президиуме, в том числе и в зале, имеют и понимание, что необходимо делать, и мы точно знаем, что есть люди, которые готовы это делать.

В частности у нас сегодня в зале находится Павел Николаевич Грудинин, который выдвигался на пост кандидата президента Российской Федерации, и даже со всеми манипуляциями, вбросами, промывкой мозгов по зомбоящику и со всеми попытками давить административно на бизнес и на семью, показал более чем серьезный результат. Но мы об этом поговорим чуть позже.

Дима, давай ты тоже скажем пару вступительных слов, и двинемся.

Дмитрий Потапенко: Слушай, после тебя говорить пару слов – это уже фактически нечего говорить.

Я буду краток, поскольку мы сегодня все-таки модераторы, а не выступающие.

Ключевое. Всегда после таких цифр, которых много говорю я, много говорит Владислав, много говорят альтернативные экономисты, нам регулярно говорят, что эту циферку можно подправить, потому что зачастую бывает, что и я в том числе огрубляю какие-то цифры. Но надо начать с базового и понимать основное.

Когда мы говорим про цифры, что такие-то падения, вывоз капитала за рубеж, это все последствия. И когда говорят: «Вы же все понимаете» – «Да, мы все понимаем», всегда задается вопрос: «А нам что делать?», обычный вопрос из аудитории, который приходит, и он вопрос правильный, потому что динамика последних 18 лет такова, и надо для себя понимать, что динамика следующих 12 как минимум лет тоже будет близка к этому, потому что, нравится или не нравится, все говорят о некоей существующей политической воле, или каких-то изменениях, но это не более чем фигура речи. Надо начать с базового: никому никакие изменения не нужны. Базовая постановка существующей системы управления такова, что у нее нет никакой идеологии и не может быть. Те, кто в кавычках являются на выборах за действующую систему управления – я не государство и не власть имею в виду, – по сути дела, это наемники. Я много раз это говорил в своих выступлениях, и повторяюсь.

Пофантазируем, уйдем немножко в сторону от России, и представим, что у нас у власти сейчас находится такая партия «Розовые каннибалы». Так я пофантазировал и назвал их. Как вы считаете, каков процент будет их на выборах, притом, что их основная духовная скрепа будет поедание людей? С учетом того, что основными избирателями этих розовых каннибалов являются люди, от них экономически зависимые, то есть не находящиеся в рамках независимого источника доходов, то прямо или косвенно процент у них будет крайне высок именно по причине того, что «А куда вы денетесь с подводной лодки? В

противном случае у вас не будет не просто ничего, а физически ничего. Вам просто физически перекроют дыхалку».

Напомню, что так называемой частной экономики, ее осталось не очень много, по разным оценкам от 3% до 6%. Можно даже в таком виде оставить, и пусть эта экономика сама по себе дозадохнется. Когда вы задаете вопрос: «Что же делать?», ключевое – это развивать альтернативные источники дохода, которые у вас есть.

Если вы все время прямо или косвенно сидите на системе распределения или системе, которая идет из как бы государственного бюджета, то вы всегда будете находиться в зависимом положении. Почему я «как бы» говорю из бюджета? Потому что каждый раз, когда вам розовые каннибалы выплачивают заработную плату, они понимают, что вы им своим существованием наносите физически непоправимый ущерб.

Почему рухнет пенсионная система? Не потому что они плохо как-то к нам относятся. Но просто каждый из них, у него есть личные его деньги, называется «пенсионная кубышка», и тут я или вы вдруг ни с того, ни с сего выходите на пенсию. Ну, не скотина? Ну, вот честно. Ну, что, помереть нельзя было, что ли, в день выхода на пенсию? Ему бы остались эти деньги. Вот как размышляет розовый каннибал в существующей системе управления.

Точно также здесь в предыдущей сессии обсуждалось здравоохранение или образование. Представляете, вместо ЕГЭ будет другое образование. Ну, не скотины ли вы, и я в том числе, и мои дети, что вы будете умными? Ну, зачем вы такие? Зачем вы фактически этим бедным, несчастным людям, которые нами управляют, наносите каждый день непоправимый ущерб своим собственным существованием и существованием своих детей? Это первоисточник проблем. Все остальное, о чем говорю я и Владислав – это последствия. Как только вы осознаете, что они распределяют свои деньги...

[00:14:42]

Когда мы говорим: «Вывоз капитала, вложено в облигации более 100 млрд долл.», они же своими деньгами распоряжаются. Как только вы осознаете, что есть они и мы, и такой водораздел, который не пересекается, то это первоисточник. Поэтому это базис. Поэтому для нас с вами очень важно развивать ваши и мои альтернативные источники дохода. Собственно говоря, все сегодня представленные спикеры – это люди, которые по большей части являются врагами системы. Они не враги государства, они не враги народа, а они именно враги системы, той системы розовых каннибалов, потому что они деньги зарабатывают сами каким-то образом. И я хочу передать слово Павлу Николаевичу Груднину, поскольку он не только мой друг, но он и человек, который сейчас будет очень

жестко отбиваться от тех рейдерских наездов и захватов, которые идут по нему. Это все не будет никаким образом попадать в прессу по причине того, что сейчас суды удовлетворяют даже то, что удовлетворить невозможно. То есть проституция по сравнению с судами в целом... Судей не принимают в публичный дом за редкостную проституцию, я применю такое слово. Поэтому ему придется работать.

Павел Николаевич, тебе слово. Прошу.

Павел Грудинин: Я просто когда вас слушал, вспомнил песню Высоцкого: «Если правда оно хоть хотя бы на треть, остается одно только – лечь, помереть. Хорошо, что вдова все смогла пережить, пожалела меня и взяла к себе жить».

На самом деле, я оказался оптимистом. Сейчас расскажу почему.

Действительно, все, что сказал Владислав и Дмитрий – это правда. Другое дело, что мы находимся, я считаю, на пороге перемен, и почти 9 млн граждан по официальной версии проголосовало за программу, которую предложила «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Национально-патриотические силы». За нее очень много проголосовало не коммунистов, и даже, может быть, не тех, кто называет себя национал-патриотами, а просто простых людей. Почему? Потому что эта программа – это фактически программа «Назад в будущее». Мы когда-то жили в социалистическом обществе, где богатый платил больше налог. Так было. Где была система перераспределения национальных богатств в сторону производства, то есть инвестиции в производство, в сторону людей. Если помните, пенсии платились из бюджета. Не было посредников типа ОМС, Пенсионного фонда, всяких «Платонов» и всего остального. Была система наполнения бюджета, а потом решения всех насущных проблем – медицины, здравоохранения, социальной защиты – через бюджетные вливания, и все было достаточно понятно. И я вчера говорил, что, знаете, ведь 25-30 лет назад денег хватало на бесплатные квартиры, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, инвестиции в основной капитал, на развитие. Пусть, может быть, некоторые программы были неправильными, но у нас хватало денег на все, плюс еще мы помогали странам Варшавского договора, огромному количеству развивающихся стран. У нас было очень много денег, а ресурсы были примерно теми же. Потом страна уменьшилась, и денег почему-то стало не хватать. Причем иногда смотришь передачи Юрия Пронько, который здесь, и понимаешь, что количество умных людей не уменьшилось. К нему приходят разные эксперты, и он сам, и все рассказывают правильные вещи. Но почему нас не слышит Правительство, почему оно оглохло, никто понять не может.

Дмитрий сказал: «Розовые каннибалы, они заранее знают». Но есть такое чувство, и оно даже присуще этим розовым каннибалам – это чувство самосохранения. Создалась, на мой взгляд, ситуация, которая является близкой к революционным. Если помните, Ленин говорил: «Верхи не могли, низы не хотели». И сейчас тот самый случай, учитывая прошедшую президентскую кампанию, есть возможность плавно повернуть назад в будущее, Геннадий Андреевич Зюганов называет это «левым поворотом». То есть справедливость, социальная направленность бюджета, Конституция, которая обычно не выполняет – сейчас я имею в виду бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, социальные льготы. Например, 42-я статья Конституции говорит о том, что государство должно обеспечить экологически приемлемую обстановку. А вы слышите, что сейчас происходит в Москве и Московской области с этим мусором. Все это должно сделать государство.

И президент Российской Федерации недавно совершенно сказал, что нам нужно заняться внутренними проблемами. Я считаю, что в том числе прочитав нашу программу, которая все-таки борьбы с бедностью, борьбы за права в том числе и бизнесменов, потому что Дмитрий прав, что в стране невозможно производить ничего. Помимо бандитов в погонах есть много других факторов, которые не позволяют быть конкурентоспособной нашей экономике.

И мы надеемся на то, что программа, которую мы представили, она воспринята властью и Правительством, и будет Правительство народного доверия. Придут люди и скажут: «Слушайте, мы поняли. Все, что мы получили, розовые каннибалы, оставим у себя, а остальное давайте по новой, например, с 7 мая 2017 года мы формируем новое Правительство, Правительство начинает формировать новое законодательство. Государственная Дума у нас примет все, что им предложит президент, это я точно знаю, особенно если это направлено в интересах людей. И после этого начинаем перестраивать экономику. Начинаем ставить Центральный банк под контроль».

Вчера были цифры, которые меня просто убили напрочь. 4 трлн руб. было потрачено за два года на банковскую систему, на ее спасение, а эти деньги просто не дошли до предпринимателей, мы не видим этих денег, и они не дошли не до предпринимателей, не до людей, а если до людей дошли, то в виде кредитной кабалы, которую никто выдержать не может.

Я вчера еще цифры слушал. Это вообще тоже интересная вещь. На всю науку, то есть на всю Российскую академию наук, было запланировано и будет потрачено 4 млрд руб. Это

вообще не деньги. Я их сравнил с деньгами, которые Совхоз потратил на два объекта – детский сад и школа (2,5 млрд), – и понимаете, что в масштабе страны это ничего.

И еще одну цифру сегодня услышал. Представляете, средняя заработная плата в Правительстве Российской Федерации 200 с чем-то тыс. руб. в месяц, а заработная плата руководителя или замруководителя Российской академии наук – 85 тыс. руб. Понимаете, какие приоритеты поставлены? То есть мы технологически отстали, но в науку мы денег вкладывать не собираемся. И мы надеемся, что новое Правительство будет принимать уже новый бюджет, где приоритетом будет наука, образование, здравоохранение, проектные инвестиции в то, что нужно, в технологии.

[00:22:24]

Надежда умрет последней. Я хочу как-то выступить оптимистом. Знаете, кто такой пессимист? Хорошо проинформированный оптимист.

Дмитрий Потапенко: «В чумном бараке» и «надежда умирает последней».

Павел Грудинин: Да. Мы надеемся на то, что все-таки в ближайшее время новое Правительство будет сформировано, оно будет Правительство профессионалов, туда пригласят в том числе людей, которые понимают что-то, ученых, инженеров, экономистов, и они начнут выводить страну из кризиса. Потому что то, что мы в кризисе, всем известно. Я напомню вам, кризис пишется двумя иероглифами: «опасность» с одной стороны, с другой «открывающиеся возможности». Мы надеемся на то, что, возможно...

Владислав Жуковский: Павел Николаевич, то есть вы на полном серьезе считаете, что мы уйдем от виолончельно-распильного царства в сторону здравого смысла, ответственности и в другую систему координат? То, что мы можем увидеть там вас, Константина Бабкина, Дмитрия Потапенко, других участников МЭФ, которые что-то смогут поменять? Чтобы был не 1%, как в Швейцарии, а остальные где-то в Зимбабве, а немножко по-другому. Надежда была на вас, Павел Николаевич, скажем честно.

Павел Грудинин: Я вам напомню анекдот: «С таким настроением вам слона не продать». Вы давайте настроение как-то...

Владислав Жуковский: Поднимаем настроение.

Павел Грудинин: Да. Поэтому, еще раз, да, действительно, очень сложная ситуация, но я надеюсь, что все-таки поймут, что снаружи у нас нет друзей, мы друзей должны найти у себя в стране. И президент сказал: «Мы от внешнеполитической повестки переходим к внутренней повестке». Об этом он сказал, я это слышал.

Дмитрий Потапенко: А я расшифрую. Это означает, что будем искать врагов внутри. Это на грани шутки.

Владислав Жуковский: В этой связи напомним, что Генеральная прокуратура буквально полторы недели назад заявила, что у них новая задача на ближайшие шесть лет – это борьба с внутренними протестами, это подготовка к социальным бунтам, голодным бунтам, тех, кто недоволен тарифами жилищно-коммунального хозяйства, капремонтом, «Платонами». У нас тут есть спикер, представляющий интересы дальнбойщиков, выступающих против феодальной подати очередной. Поэтому двигаемся туда.

Дмитрий Потапенко: Посмотрим. Коллеги, вопросы к Павлу Николаевичу? У нас абсолютная демократия.

Коллеги, с вашего позволения хочу передать слово Юрию Пронько, поскольку с Юрой мы знакомы страшно сказать сколько лет.

Владислав Жуковский: Столько не живут.

Дмитрий Потапенко: Да. Мы с ним вместе вели программы еще на «Финам.ФМ», уже такого радио нет. Юра и так был ярк как журналист. Это тот человек, который вел очень корректно эфир между Алексеем Навальным и господином Федоровым. Именно тогда зажглась, на его эфире, я тогда назвал, мы с Юрой встречались до эфира, потому что у него была действительно очень непростая ситуация, он должен был провести этот эфир. Я помню, что мы встречались с ним в кафе, я ему сказал, что «Юра, несмотря на твои взгляды, ты должен остаться над боем», и он остался прекрасно над боем. Именно тогда Навального короновали. Но это было не благодаря Юре, а Юра был как раз в стороне и очень красиво все это отвел.

Сейчас Юра не только телеведущий, но, по-моему, заместитель генерального, в общем, большой-большой человек в компании «Царьград». Тебе слово.

Юрий Пронько: Спасибо большое, коллеги. Я бы хотел начать с фразы Павла Николаевича, который сказал, что ситуация очень серьезная, и дополнить фразой «не фатальная». На самом деле, перед страной действительно стоят серьезные вызовы, они носят социальный, экономический, технологический характер. Помимо того, что я журналист, по образованию я экономист, и макроэкономика – это то, что мне близко, и то, в чем пытаюсь разобраться.

Есть несколько фундаментальных вещей, на которых я бы хотел остановиться, разделив их на стратегические и тактические. Тактические вещи или тактические факторы заключаются в том, что Правительство России – ныне уходящее Правительство, и при формировании

нового кабинета министров это необходимо в обязательном порядке учесть – прекратить делить граждан России на несколько категорий, неравных по своей сути.

Мы постоянно говорим о том, что «Государство российское, дай денег». В закромах 450 млрд долл. золотовалютные резервы». Но есть другая проблема. С одной стороны, незагруженность производственных мощностей, а с другой стороны – и это ключевой момент – тотальное обнищание населения, схлопывание потребительского спроса, схлопывание покупательной способности.

Эльвира Сахипзадовна Набиуллина, как у нас в редакции «Царьграда» шутят, «самая любимая женщина Пронько», хотя, на самом деле, Оксана Пронько самая моя любимая все-таки женщина, но среди политиков, безусловно, Эльвире Сахипзадовне я уделяю самое пристальное внимание. Так вот свою низкую инфляцию, действительно исторически низкую инфляцию, она как пацан во дворе, она сказала и она сделала. Она сделала это, она достигла таргета в 4% и даже ниже, но она его достигла за счет высушивания деловой активности и обнищания российского населения. Знает ли она об этом? Знает. Она профессионал. Это должно быть полностью аннулировано.

[00:28:46]

Второй принципиальный момент. Мы постоянно говорим о том, что у нас социальное государство. Кроме слов в делах это не присутствует. Позорнейшее решение кабинета министров, поддержанное позже парламентом, о разделении пенсионеров на белых и не белых. Я утрирую, безусловно, вы понимаете – на работающих и неработающих. Помимо социального фактора, гигантского социального фактора – просто старики заслужили это, они это заработали – есть и экономический аспект. Индексация работающим пенсионерам – это деньги, которые позволяют нарастить потребительский спрос и нарастить объемы промышленного производства. Не замечают, не видят. Большие с этикой проблемы и большие проблемы с экономикой. Но есть эта тактика.

Я соглашусь с тем, что сейчас принципиальнейший идет в эти дни разговор за плотно закрытыми дверями, и не просто о креслах, и не просто фигурах, а о концепции дальнейшего развития страны. Это бульдожья схватка под ковром, самая настоящая. Чем она закончится, очень сложно понять. Но, опять-таки, я, так же, как и Павел Грудинин, слышал слова президента. В этом новом политическом сезоне в эту шестилетку самое пристальное внимание – внутренней повестке, а внутренняя повестка сейчас № 1 – это ситуация в экономике.

Я надеюсь, пусть это будет непопулярно, я надеюсь на президента Путина, потому что этот человек обладает реально гигантским политическим ресурсом, и уж коль скоро так сложилось в России, политика у нас крайне гипер персонифицирована, то именно он и возьмет на себя ответственность за дальнейшие шаги и дальнейший ход событий.

Вы же видите, что происходит, как очень сильная группа людей – я даже не буду им прикреплять никакие идеологические ярлыки, потому что скажешь, что они либералы (Ну, какие же они либералы?), скажешь государственники (там государством и не пахнет). Сейчас эта борьба закончится дальнейшим нашим либо падением, либо рывком, о котором говорит господин Путин. Третьего не дано. Я слышал мнение, что мы можем и дальше так медленно-медленно идти и раздаиваться. Нет. Ситуация в глобальной экономике такова, что она развивается семимильными шагами. Технологические изменения настолько колоссальный, носят настолько колоссальный характер, что отстать даже сейчас в нынешней ситуации – смерти подобно. Но есть стратегия. И здесь я хочу отбросить все шуточки, потому что шуточки я слышу на разных форумах от действующих министров. Они такие остряки. Очень плохо, кстати, у них это получается. От Грефа периодически я слышу – очень острый персонаж, в свою пользу. С моей точки зрения, стратегия государства должна заключаться в том, что чиновников надо с кожей отодрать от бизнеса. Это моя принципиальная позиция. Сейчас у нас бизнесом занимаются чиновники, сидящие в Правительстве, в Администрациях регионов, городов, префектуры, управы и так далее. Это же все знают. В узких кругах это широко известно. Если мы не совершим этот шаг, как государство разрешило им заниматься бизнесом, так государство способно абсолютно, я в этом уверен, отодрать от этой темы. Хочешь заниматься бизнесом – иди в бизнес. Как говорил небезызвестный нынешний премьер, адресуя эти слова учителям и врачам. Есть желание заниматься бизнесом – идите. Есть желание послужить государству и обществу – занимайте кресло чиновников в Правительстве, администрациях и так далее. То есть есть фундаментальные вещи, которые носят либо тактический, либо стратегический характер.

Вы можете сказать, что я наивный человек, в очередной раз надеюсь. Понимаете, а вы на что надеетесь? Вы надеетесь на протесты, которые сметут? Мы уже дважды в прошлом веке совершили ошибки, которые привели к обрушению государства. Еще хочется? Я понимаю, что есть такое понятие «популизм», а есть экономика, и у экономики есть жесткие законы. Если вы дестабилизируете ситуацию, то вас сметет эта волна. Получить в очередной раз, как в 1917-м и 1991-м обрушение страны, я не готов. Я думаю, что абсолютное большинство из вас не готовы к этому. А это значит, надо садиться и договариваться. Назвать это Правительством народного доверия, как угодно. К сожалению,

пока люди с той стороны не готовы к этому. Они собираются на своих конференциях, они собираются на своих форумах, придворные СМИ их обслуживают, тусуются они исключительно и обсуждают в своем составе. На такие форумы как МЭФ они не приходят, на Столыпинский они не приходят. У нас даже сейчас – уже ни для кого не секрет – вам могу сказать, в апреле будет два форума, которые ярко окрашены. Ялтинский – условно государственники, Красноярский – условно либералы. Это же тоже всем известно в узких кругах. Недопустимо доводить ситуацию до дестабилизации. Недопустимо.

[00:35:02]

Вы предлагаете идти в фарватере того, что предлагает нынешнее Правительство? Я не готов. Принуждение к диалогу – принципиальный момент во всей этой истории. Невозможно в монологе решать эти вопросы, и невозможно допустить дестабилизации вновь.

В этом зале есть люди, я думаю, их абсолютное большинство, им есть что терять. Не бросайтесь вы этими лозунгами, дескать «Нечего уже терять». Да есть что терять. Это судьбы детей, это наши с вами судьбы, и я абсолютно без пафоса произношу – это судьба нашей страны. Поэтому если в диалоге мы сможем достичь некоего компромисса, то мы удержим ситуацию. Если одна из сторон будет не слышать другую сторону, то это может обернуться катастрофическими последствиями.

Владислав Жуковский: Спасибо большое! Давайте зададим вопросы Павлу Груднину.

Павел Груднин: «Скажите, пожалуйста, а вы не пожалели, что пошли на выборы? Если бы можно было снова решать, пошли бы на эту авантюру?», – спрашивает Елена.

Я не жалею. Во-первых, я сожалел, действительно, что такие грязные получились выборы. Но чего тут жалеть? Это было решение, в тот момент это было правильным. Если второй раз пошел бы, то пошел. Я же не только для себя, я же для людей.

Хотелось что-то изменить в лучшую сторону. Я думаю, что многое из того, что мы предложили и будем еще предлагать, уже услышали. Вы помните, тут недавно даже на встрече с кандидатами в президенты президент сказал: «Надо бороться с бедностью. Ненормально, что в России появились работающие бедные». Я так слушал – прямо из нашей программы выдержки. И многие члены Правительства тоже стали говорить о том, что нужно срочно поднимать пенсии. Много чего было.

Недавно заявили, что надо убирать ОМС, надо убирать всех посредников из отношений между государством и людьми, государством и медициной. Я думаю, что это в том числе потому что мы со своей программой вышли.

«Про грядущие изменения – это ощущения либо вы что-то знаете?». Я ощущаю. Но вы сами все знаете. На самом деле, если изменения не произойдут, я думаю, что нас ждет та же самая история, как была с Советским Союзом. Там тоже не были вовремя сделаны изменения эволюционным путем, и они получились практически революционным, в результате мы потеряли великую страну Советский Союз. Мы на пороге, по-моему, того же самого, и мы все время рассуждаем, что эти люди, которые нами командуют, они глупые. Нет, они не глупые, они тоже это видят, у них гораздо больше информации. И я вам могу сказать, что их тоже беспокоит эта ситуация. Я думаю, что они должны в ближайшее время сделать выводы. Я просто не понимаю, почему так долго. Мы три года ищем выхода из кризиса, но ни Правительство, ни президент пока не сказали, какие это выходы. Но в ближайшее время, так или иначе, будет объявлена новая экономическая программа, и мы тогда можем понять, на что нам рассчитывать. Я все-таки оптимист.

«Что должно произойти в стране, чтобы у президента возникло желание менять систему в самом широком смысле этого слова?». А уже происходит. Вы что, не видите, в одном месте свалочный газ довел до того, что собралось из 20-тысячного города больше 6 тыс. человек вышло на улицы, в другом месте сгорел только недавно построенный (реконструированный) торговый центр, и это тоже вывело людей на улицы. Власть не может этого не видеть. И, с одной стороны, дальнбойщики, с другой стороны обманутые дольщики, с третьей стороны шахтеры Гуково, с четвертой фермеры из Краснодар. Это все локальные конфликты, которые власть должны побудить к тому, что нужно реформировать всю систему. И я считаю, что мы на пороге великих реформ. Я надеюсь, что они именно в том направлении, которое мы предложили – программа «20 шагов», – и опять, надежда умрет последней.

[00:40:04]

«Павел Николаевич, оцените вероятность продолжения политической активности через шесть лет. Быть может, 9 млн превратится в 19?». Честно скажу, я уверен, что нас было 19, и даже больше. Это тот самый случай, когда политикой не заниматься невозможно. Если ты уходишь из политики, то политика приходит к тебе. У нас у каждого есть активное и пассивное избирательное право, и я когда выступал на пленуме ЦК КПРФ, сказал, что «Никуда мы не деваемся. Мы продолжаем этот путь. Если ты его начал, его невозможно

закончить, поэтому политическая деятельность будет продолжаться», чем мы сейчас и занимаемся.

Блиц-вопросы. «Предлагали вам пост министра сельского хозяйства?». Нет.

«Сколько процентов вы даете за новое Правительство?». Сколько процентов чего? Я считаю, что Правительство будет точно новым, но думаю, что оно будет очень сильно изменено, и там увидим новые совершенно фамилии, которые раньше в Правительстве не работали. У меня по крайней мере такая надежда.

«Вы примете участие в выборах губернатора Подмосковья?». Да, я пойду голосовать, как минимум. А пойду ли я кандидатом, этого пока не знает никто, в том числе и я. Все зависит от многих факторов, которые еще не сложились.

«Павел Николаевич, пока что вас покусывают: пайщики, миллиарды, золото, арбитражи и так далее. Не боитесь, что за вас возьмутся всерьез?». За меня уже взялись всерьез.

«Власть показала уже свою нелюбовь к бизнесу, который идет в политику. Был бы человек, а статья найдется». Пока я здесь, я живой, и я считаю, что мы не нарушили никаких законов. Пытаются что-то нам вменить, но ничего страшного.

«Здравствуйте, Павел Николаевич. Что из опыта эффективного управления вашего хозяйства можно и нужно применить в управлении Россией уже сейчас?». Уже сейчас не нужно вывозить деньги за рубеж, нужно инвестировать в новые технологии, как это сделал Совхоз Ленина, и у нас новейшие технологии производства. Нужно вкладывать деньги в детей, и мы это делаем, и у нас очень хорошие результаты, я имею в виду подготовка детей, здоровье детей. Нужно делать все, что сделал Совхоз имени Ленина на протяжении 20 лет в России, тогда вся Россия будет как Совхоз Ленина. То есть у нас бесплатное образование, мы еще кормим детей в школах, у нас бесплатное здравоохранение, мы доплачиваем врачам, покупаем, в общем, все делаем, чтобы там все было хорошо. Поэтому я думаю, что все это нужно просто сделать в России. С этой программой мы и шли на выборы, и у нас, видите, больше 19 млн точно голосов.

«Пойдете на пост губернатора?». Я уже ответил.

Реплика: Павел Николаевич, еще один вопрос. Институт философии. Я хотела узнать, можно ли заменить эту категорию производства, и, наконец, перейти к тому формату деятельности, который был генеральным для Союза? Там занимались производством средств производства и производством, в общем-то, людей. Воспитание, развитие. Все это

было немаловажным фактором, который служил для устойчивости. Можем ли мы поменять это все и перейти?

Павел Грудинин: Можно. Вы же сами говорите, что можно. Вы такой вопрос задали философский.

Реплика: Да, философский. Институт философии.

Павел Грудинин: Я больше в производстве, из реального сектора экономики. Но философию можно применить к нам. Мы взяли, и деньги, которые зарабатываем, все без исключения, вкладываем на территорию, в которой мы работаем. И я считаю, что все ищем национальную идею, и национальная идея у нас – дети. Например, если вы вкладываете в детей, в их образование, в здравоохранение, в экологию вокруг, чтобы они чувствовали себя защищенными... Вы знаете, что в России ежедневно погибает пятеро детей насильственной смертью. Поэтому, если мы начнем вкладывать деньги в детей, а не в заграничные яхты или в какие-то замки для наших чиновников, то все будет хорошо.

Владимир Леонов: Владимир Леонов, инвестор. Я рад, что сегодняшняя панель – это кристаллизация молодости и опыта. Я надеялся, что сегодня будет достаточно много присутствующих частников, потому что я думаю, что консолидация всего Московского экономического форума – именно эта дискуссия. У меня вопрос ко всем пантеистам, по возможности два-три слова.

Я сравниваю на сегодняшний день состояние экономики России, сравнимое с пожаром (оно так и есть), наводнением, землетрясением в нашем доме, потому что экономика – это наш дом. Когда нужно срочно принимать меры к спасению, и я задаюсь вопросом, почему, например, к формированию Правительства мы не приступаем незамедлительно. А также я сравниваю экономику России – это девушка, женщина, что она истекает кровью, ей срочно нужна помощь, а мы медлим с принятием решений.

Павел Грудинин: Мы как можем бинтуем эту женщину.

Владислав Жуковский: Женщина кровью истекает.

Павел Грудинин: У нас не хватает ресурса. Для того, чтобы что-то делать, нужно сначала иметь властные полномочия. Мы пошли по этому пути, дошли до 12%. Могли бы получить больше, и получили больше, это точно. Но, еще раз, все данные, которые мы получили, они известны, не широкой публике, а людям, которые принимают решения в стране. Я думаю, что они примут правильное решение. По крайней мере я надеюсь на это.

Спасибо большое!

[00:46:18]

Владислав Жуковский: Мы продолжаем нашу дискуссию. Предлагаю предоставить слово Ивану Миронову, это наш хороший близкий друг, товарищ, единомышленник.

Дмитрий Потапенко: Тут у нас коррупционная составляющая.

Владислав Жуковский: Вы знаете, есть кооператив «Озеро», а у нас есть Совхоз Ленина. Мы просто между ними выбираем.

Ваня, тогда давай поговорим с тобой. Ты практикующий адвокат, юрист. Все-таки что реально происходит с точки зрения законотворчества и исполнения законов, либо, наоборот, беззакония? Насколько мне известно, ты за последний год вел несколько крупных и достаточно громких дел, связанных с предпринимателями, с отжимом бизнеса, с рейдерскими захватами. Причем зачастую это проходило все под видом именно такого банковского рейдерства, когда кредитные залогов, поручительства собственников бизнеса выступали как один из инструментов рейдерского перераспределения лакомых кусков, причем самое смешное, что эти тенденции уже заползли далеко в Замкадье, ушли в регионы, и сейчас каждый предприниматель, так или иначе, является весьма себе легкой мишенью для тех, кто обладает каким-либо властным ресурсом, доступом к судьям. Про эти вещи давай мы с тобой сакцентрируем.

Иван Миронов: Спасибо, Владислав. Пару вступительных реплик. Меня всегда умиляют эти риторические вопросы: «Вы что, хотите революцию?». Мне это напоминает вопрос в конце поздней осени: «Вы что, хотите зимы?». Это отдает каким-то, согласитесь, душевным нездоровьем. Нравится нам революция, не нравится нам революция, а есть определенные исторические, политические законы. Есть условие политической предреволюционной ситуации. И не надо любить или не любить революцию, надо просто к ней быть готовым.

Мы же не встречаем зиму из-за того, что нам не нравится зима, в солнцезащитных очках, в шортах и с зонтиком. Поэтому, знаете, как сказал Спиноза, «не плакать, а понимать», «не улыбаться, а понимать». И здесь надо предельно четко оценивать все те риски и все те признаки надвигающейся революционной ситуации. И, к сожалению, мы ее видим, прежде всего, наверное, в психологии масс.

Как вы думаете, за кого голосуют следственные изоляторы, где все-таки арестованные имеют право голосовать? Люди, у которых в силу незаконных решений следственных органов суда, отняли все, посадили в тюрьму и прессуют. И там перспективы жрать баланду еще лет на семь минимум. Так вот, часть, которая голосовала раньше за Жириновского, поскольку сейчас все-таки как-то не по понятиям за Владимира Вольфовича голосовать,

они голосуют за Собчак, а часть голосуют за Владимира Владимировича. Называется «целуй сапог, тебя давящий». И когда их спрашивают: «А как так вообще, ребята? Вам не кажется, что вы уже на дне, и ниже быть не может?». И они говорят: «А вы что, хотите революцию? Вы хотите революцию?».

[00:49:38]

Сергей Булгаков, экономист, философ, вначале прошлого столетия сказал, что народное хозяйство требует душевного здоровья нации. Без моральных принципов ведения бизнеса, предпринимательской деятельности и контролирующих органов все это невозможно. С чем мы сталкиваемся сегодня в каждом деле, которое связано с крупными предпринимательскими вопросами? Это новое рейдерство, это так называемое залоговое рейдерство. Тоже все построено на элементарной психологии.

Представьте себе, возьмем конкретный пример – Владимирская область, завод «Автоприбор». Крупнейшее предприятие, которое производило на протяжении десятков лет комплектующие для «АвтоВАЗ». 3 тыс. сотрудников задействованы на предприятии, один из крупнейших налогоплательщиков целой области. Необходима оборотка, потому что все-таки это долгие деньги, это поздние возвраты, и все время необходим кредит. К кому идет предприниматель – причем таких кейсов у нас много, – который считает, что он кует благо, кует славу и счастье для России? В банки с госучастием. Во-первых, потому что в таких объемах только эти банки могут прокредитовать его, а во-вторых, ну, как же, президент сказал, что «Вот вам триллион рублей. Берите дешёвые деньги и поднимайте экономику, которая немножко просела после кризиса». И за этими дешевыми деньгами, за государственной поддержкой идет предприниматель, хозяин, собственник бизнеса, к банкам. То есть это «ВТБ», «Сбербанк», «Альфа-Банк» и так далее.

Что происходит дальше? Вместо 10-11%, на которые он рассчитывает и которые ему пообещала власть, он получает кредит под 17-19%, но под это ему говорят: «Слушай, а давай-ка... Мы все понимаем, что у тебя безупречная кредитная история, но все-таки времена нынче тяжелая. А давай-ка нам под залог твое предприятие». Он говорит: «Ну, конечно. Вы же банк с госучастием. Это государственная поддержка, это слова президента, премьера». Ему говорят: «Хорошо. Мы понимаем. Давай оценочную компанию, которая оценит твой бизнес в определенную сумму денег». Бизнес оценивается в 2 млрд. Он говорит: «Ну, как же? Раньше оценивали в 4 млрд. Месяц назад была независимая оценка». Они говорят: «Слушай, Вась, но ты же не собираешься нас кидать. Мы же банк с госучастием. Давай». Хорошо. Он заключает кредитное соглашение, ему одобряется лимит в 1,5 млрд руб.

Дальше что происходит? Соответственно, банк, заключая это соглашение, он указывает понижающий коэффициент. То есть уже это предприятие оценивается не в 2 млрд, как оценила собственная компания, а уже залог идет по цене 1 млрд.

Дальше что происходит? Это схема, которая работает практически во всех регионах. В одностороннем порядке банк переоценивает – деньги еще не пошли на завод – залоговое имущество, еще уменьшая стоимость в два раза – уже 500 млн. Для чего это надо? Я объясню. И получается, что денег нет, еще деньги не пришли, а уже собственник отдал свое предприятие по стоимости в четыре раза меньше под залог под кредит. А теперь осталось это предприятие забрать и передать в нужные руки. Как правило, уже новый собственник есть, делается под него.

[00:53:40]

Что происходит дальше? А дальше деньги-то не идут. Просрочки, просрочки, просрочки. Линия останавливается. А линия по тому же примеру «Автоприбора», один день простойки линии – 30 млн убытка. И дальше выходят ребята и говорят: «Слушай, мы представляем банк, мы можем все это сделать, решить – 10% отката». Классическая схема. Естественно, поскольку таких решальщиков пруд пруди, человек отказывается, или несет деньги, или пишет заявление. Но, скажем, по тому Сберу мы знаем ситуацию, какая привела к написанию заявления, когда, да, приняли тех, кто выступал от Сбербанка и решал все вопросы, им дали минимальный срок порядка 2-2,5 лет, они очень быстро вышли, а человек, собственник бизнеса, который написал заявление, ему дали 7 лет. Уехал. Причем арестовали прямо в кабинете банка.

Что происходит дальше? Предприятие уже испытывает определенные трудности, и в это время банк переуступает права требования на полтора...

И еще, что важно, у собственника берут личное поручительство, поручительство близких, детей, вгоняя его в абсолютную кабалу. А дальше права требования на эти 1,5 млрд, половина переуступается дочерней компании, частной компании, которая существует при каждом банке. А дальше начинается самое интересное. При этом все залогом компании банк оставляет у себя, он владелец собственности, а другое лицо, которое получило права требования на 700 млн примерно за 8 млн руб. с рассрочкой на год, то есть, получается, банк, отдавая государственные деньги, переуступая право требования, получает 10 млн, а потом, отчитывая перед высокими начальниками, говорит: «Это убыточно у нас – субсидировать отечественный бизнес». И как только эта прокладочная контора при каждом банке получает права требования за копейки на 600-700 млн руб., они становятся мажоритарным кредитором, то есть они уже могут назначать своего управляющего и

контролировать полностью компанию, потому что если ты залоговый кредитор, ты этого не можешь делать, а залоговый кредитор у нас банк, а дочка, соответственно, у нас уже полностью хозяйничает на заводе. Естественно, собственник возмущается, протестует, идет в суд. Но, извините, уже управляющий свой, управляющий тут же начинает писать в Следственный комитет заявления на совершение преступлений, потому что у нас фактически сегодня криминализировали весь хозяйственный оборот, потому что любая сделка с интересом, она уже криминальна с точки зрения многих следователей. Если предприятие извлекает из этого прибыль, собственник извлекает из этого прибыль, значит, все, здесь уже есть умысел на хищение средств. Как это ни парадоксально, это так, и суды эту практику подтверждают.

И дальше Следственный комитет всеми правдами-неправдами арестовывает предпринимателя, отправляя его вопреки требованиям 108-й статьи УПК в тюрьму. Но у нас же предпринимателей нельзя официально арестовывать, но всегда найдется определенная лазейка, как, например, 159-я статья «Мошенничество», которая на усмотрение суда, она или предпринимательская деятельность, или вне предпринимательской деятельности. Если вне предпринимательской деятельности, то можно посадить, и он может сидеть столько, сколько нужно следствию. Отправляет его в тюрьму. Вместе с ним те, кто принимают ключевые решения на предприятии или под домашний арест, получают нужные показания. А у нас только по ряду предпринимательских дел только по одному порядку 10-15 секретных свидетелей. Секретных! Кто, что это за люди, можно только догадываться, есть ли они вообще. И дальше происходит окончательный отъем бизнеса.

Но есть еще такой момент. Все эти процессы курируют частные компании при банках, и эти компании являются именно посредником, они всегда выходят к собственнику с последним предупреждением о том, что «Если ты не отдашь активы, и мы все эти твои вопросы, это уже наш головняк, мы будем договариваться с банками, то ты сядешь». Кто борется, тому ломают хребет, отправляя его в тюрьму, и дальше уже дожимая весь бизнес. И такая практика – повсеместная практика – происходит с крупнейшими банками. И когда это словно мотыльки на огонь слетаются, идут в банки за этими деньгами, государственными деньгами, нашими деньгами, которые должны поднять и оздоровить отечественного производителя, и в итоге они попадают в кабалу, у них забирают все свои активы, они не получают ничего кроме срока, а в итоге, естественно, проигрывает и государство, и проигрывают, как ни парадоксально, даже сами банки, потому что сегодня у самих банков, у финансовых учреждений с сомнительной репутацией, с небольшими, гораздо безопаснее брать те же деньги, чем у банков с госучастием, потому что везде есть определенные

группы, которые вопреки интересам своих структур лоббируют частные интересы. И причем рука руку моет, друг друга покрывает.

Но психология такова, она неистребима, это психология как тех, кто сегодня в тюрьме голосует за Путина, что «Царь-батюшка нас выручит. Это все ошибки. Здесь нет никаких системных сбоев, все будет хорошо». И поэтому, скажем, нам удастся преодолевать эти ситуации только при раннем вмешательстве, потому что местные юристы не вытягивают этого, они боятся сталкиваться, воевать с банками. Потому что по ряду наших дел, как только мы заявляем в прессе о том, что сотрудники того или иного банка имеют отношение к вымогательствам взятки, тут же автоматически в любой работе приезжает команда с Москвы, которая подает иск о защите чести, достоинства, деловой репутации. Пока нам удастся держать оборону, мы отбиваем эти иски. Но огласка, которую боятся, потому что мы сейчас готовим реестр компаний с конкретными доказательствами. Их немного, реестров конкретных лиц, кто занимается при каком банке конкретным рейдерством.

Владислав Жуковский: Иван, если можно, коротко расскажи об изменениях, которые на перспективу, или мы дальше в это беззаконие, в эту средневековую архаику, это крепостное право будем возвращаться?

Иван Миронов: Во-первых, нужна грамотная системная оценка того, что происходит, нужно объединение именно как на местах, так и здесь в центре, потому что этой информации необходимо придавать гласности, ее надо актуализировать, необходимо писать заявления на этих лиц. И чтобы эту практику сломать. Гласность здесь играет одну из ключевых ролей, потому что без средств массовой информации мы это не преодолеем и не сломаем, потому что бес любит тишину. И как только человек отказывается защищать себя в публичной сфере, и отдает это на потребу всяких решальщиков, мошенников, которые обещают золотые горы, в итоге он оказывается ни с чем, конечно, это и провоцирует это сползание в эту архаику, в это Средневековье.

[01:02:14]

Дмитрий Потапенко: Я хочу предоставить слово своему коллеге, еще одному моему другу. Поскольку Денис Кондратьев у нас отвечает в лиге переработчиков, он директор завода, скажем прямо, но помимо того, что он директор завода, они не просто сидят попой ровно, поскольку их прессуют, и в целом отрасль, очень давно и очень успешно, они стараются все-таки отбиваться. И помимо того, что они соорганизовались в СРО, у них есть эта лига, у них есть очень неплохие кейсы. Понятно, что это кейс «Один против миллиона», наверное, когда предпринимателям и вообще в целом организованной группе удалось довести диалог между бизнесом и властью, точнее тем, что мы ошибочно называем властью, до

какого-то результата, но, тем не менее, есть такие кейсы. Просто я хочу, чтобы Денис рассказал об этом подробнее. Денис, тебе слово.

Денис Кондратьев: Спасибо большое. Дмитрий сказал, что я предприниматель. В этом слове зашит сам смысл, что мы что-то предпринимаем для того, чтобы решить проблемы.

Я представляю отрасль переработки макулатуры, это 80 заводов на территории Российской Федерации. Перерабатываем мы достаточно, и можем переработать в два раза больше. И для того, чтобы решить наши проблемы, которые у нас есть – а у нас есть колоссальная проблема, есть дефицит макулатуры, как это ни парадоксально, то есть это та макулатура, которая горит на свалках, которая образует свалочный газ, – и денег на этих свалках в виде макулатуры, вы не поверите, 1 млрд долл. Это именно оценка, и это подтверждает Минприроды и фактически все остальные федеральные органы исполнительной власти. Мы собрались в отрасли для того, чтобы эти проблемы решить, то есть покрыть этот дефицит. У нас есть профицит мощностей на 1 млн тонн и есть дефицит макулатуры, то есть мы можем переработать существенно больше, чем сегодня это представляется для нас возможным. Макулатура в Российской Федерации, гофрокоробка из магазина по отношению к европейской цене стоят на 70 евро дороже в России. То есть вы представляете, что когда чего-то не хватает, то экономика всегда что делает на этот дефицит? Она реагирует ценой. У нас получается, что одна тонна макулатуры стоит на 70 евро дороже европейской. Но при этом минимум 50 млрд лежит на мусорных полигонах, гниет, потому что это биоразлагаемая часть, и выделяет тот самый свалочный газ, поджигая другие полимеры, которые дают этот синтез газа в метан, и чем люди недовольны. И мы знаем, как эти проблемы решить.

[01:05:14]

Мы объединились и сказали для себя, что спасение утопающих – это дело рук самих утопающих. Объединившись в это добровольное СРО, мы для себя решили, что три проблемы – это три барьера, которые мы должны преодолеть к удвоению отрасли. Если мы их преодолеем, то удвоим свою отрасль. Одна из этих проблем – это хороший кейс, мы его уже реализовали, – это перенос налога на добавленную стоимость на нас, переработчиков, и фактически отмена этого налога на сделки с макулатурой. Мы боролись три года за это, внесли поправку в 149-ю статью Налогового кодекса, и теперь этот НДС мы платим сами за заготовителей. Вроде парадокс. Получается, что мы сами себе ухудшили ситуацию, то есть мы стали платить налогов больше. Результат того, что мы сделали в 2017 году, дал государству 7 млрд руб. То есть государство получило от нас на 7 млрд больше, чем в 2016 году. Но вопрос: какой здравомыслящий предприниматель хочет платить

больше налогов? Наверное, только больной на голову. По факту мы не больные на голову, мы просто знаем, как эти проблемы решать.

Почему? Потому что перенос – хотя в законе трактуется это как отмена налога на добавленную стоимость, на сделки с макулатурой, – на самом деле перенос на нас. По факту это выглядит тривиально. Если до того, как эти сделки были с НДС, я платил 10 тыс. руб., к примеру, за одну тонну макулатуры, и 18%, и того что расчетного счета у меня списывалось 11,8 тыс. руб., то сегодня я плачу за макулатуру 10 тыс. руб., но уже не включая НДС, я НДС практически отправляю сразу же в бюджет Российской Федерации. С расчетного счета у меня тоже списывается 11,8 тыс. руб.

Но чего же мы тогда добились? То есть государство стало его получать, а мы перестали получать приглашения в Налоговую инспекцию и жесточайший террор, который был против нашей отрасли, потому что у нас было огромное количество недобросовестных налогоплательщиков, заготовителей макулатуры. И государство всегда ищет ключи не там, где потеряло, а там, где светлее, а светлее всегда на заводе, потому что мы же большие, мы же никуда не сбежим, мы не меняем юридические адреса и так далее. Поэтому все эти проблемы транслировались на нас.

Первая проблема решена. Мы убрали эту проблему, и Налоговая инспекция теперь наши друзья, мы больше не имеем друг к другу претензий по части налога на добавленную стоимость. Государство счастливо, что контролирует только 80 предприятий-переработчиков макулатуры, а миллионы мелких и средних предпринимателей тоже счастливы, потому что им тоже теперь не надо заниматься мошенническими схемами, чтобы выжить и минимизировать эти налоги.

Вторая проблема – это отмена НДС. Нигде в мировой практике, где есть системы обращения с отходами, нет налога на доход физического лица при выкупе вторичных материальных ресурсов. Если мы сегодня выкупим всю макулатуру у населения, то эти 30% мусорных полигонов просто исчезнут, потому что там нечему будет гореть, то есть мы выкупим эти активы, и они не попадут на свалку, они не будут гореть, отравлять нашу жизнь, возможно, улучшится ситуация в Ядрово и в других регионах, где эти полигоны наполняются, потому что 30% мусорного полигона – это бумага. Мы этот законопроект продвигаем, и сегодня мы прошли первое чтение, и Государственная Дума проголосовала единогласно – 408 депутатов. Но на втором чтении, к сожалению, у нас есть противники, которые хотят искорректировать этот законопроект до неузнаваемости и сделать его фактически нерабочим. То есть у нас есть депутаты хорошие, есть плохие. Они не делятся на фракции. То есть есть и прекрасные единороги, и коммунисты, и элдэпээровцы, и справедливоросы,

и так далее, и так далее. Но есть люди очень ангажированные, которые сильно переживают за то, чтобы этот закон действительно не улучшил ситуацию, а почему-то борются против. То есть ставятся ограничения, например, сделать, чтобы этот закон работал только на два года. Вопрос: какой предприниматель будет организовывать приемный пункт в городе, если действие этого закона будет только на два года? Да никакой. Потому что он будет, получается, вкладываться только лишь на два года.

И третья проблема – это нормативы. Нормативы – это тяжелый вопрос, вряд ли аудитория может меня быстро понять. Я могу сказать, что тот закон, который называется Закон «Об отходах и потреблении», который появился в Российской Федерации в 2015 году – это абсолютное 100%-ое клише европейского Закона «Об упаковке», когда жители Евросоюза должны сортировать свой мусор, чтобы он не попадал на полигоны и не отравлял им жизнь, или чтобы не было мусоросжигательных заводов. Надо просто все рассортировать, потому что 70% нашего мусорного ведра – это чудесно перерабатываемые полезные вторичные фракции, которые дают конкурентоспособную экономику.

[01:10:07]

Законы у нас хорошие, можно это сравнить как с двумя домами, то есть один дом в центре Берлина, а второй дом в центре Москвы. Но почему-то проекты одинаковые, архитекторы одинаковые, строители одинаковые, все одинаковое в этих домах, но почему-то система правильного обращения с отходами, например, в этом доме в Берлине работает, а в Российской Федерации, в Москве – нет. Законы одинаковые, они прекрасные.

Причина – в подзаконных актах. В нашем доме кран подачи воды закрутили на 90%, и только 10% поступает в этот дом. То есть когда вы нажимаете кнопку унитаза, у вас почему-то не происходит смыв, и мы живем в том, что мы живем, и видим мусорные бунты. То есть Российская Федерация дожила до мусорных бунтов. И это будет больше, потому что причина проста. На доме в Берлине, на законе, висит: «Загрязнитель платит 100%», а на территории Российской Федерации в Москве такой же дом, то есть такой же закон, который регулируется подзаконными актами, «Загрязнитель платит 10%». То есть за 10% от себестоимости 100%, чтобы заработало, грубо говоря, канализация и правильное обращение с отходами, невозможно ничего сделать. Это профанация.

Парадоксально, что то, что делает мое СРО и делаю я непосредственно, мы делаем – как это ни удивительно, я поддерживаю господина Пронько и Грудина, – мы выполняем Поручение Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. И я могу сказать, что есть чиновники хорошие, есть плохие, а есть просто бестолковые. Количество бестолковых людей большое. Например, почему эти нормативы не работают –

это Минприроды, это департамент экологии. Люди считают, что за 10% от себестоимости – от себестоимости! – можно что-то сделать, и запустить систему, и создать целую индустрию переработки отходов в Российской Федерации. Этого сделать невозможно, но они почему-то не умеют считать, даже банально взять в руки калькулятор или посмотреть международный опыт. Не могут. У нас в Российской Федерации в пять раз меньше экосбор – это как раз та же самая себестоимость – от Евросоюза на переработку и извлечение пластика. В пять раз! Как можно в пять раз уменьшить эту плату и достичь результатов переработки Евросоюза, мне непонятно. Но мы призываем тоже всех к тому, что, когда мы говорим про макулатуру, например, мы призываем других коллег, чтобы они делали то же самое. Диалог с властью можно выстраивать. Мы создали аналитическое агентство, и бьем просто чиновников цифрами. То есть мы создаем эти цифры.

Например, с ФАС, когда нас действительно, как сказал Дмитрий, очень сильно прессовали, потому что нас признали картелем, подозревали, что мы картель и осуществляли сговор, сегодня мы, создавая статистические ряды и индексируя свою отрасль, находимся в плотном диалоге с ФАС, показывая Федеральной антимонопольной службе, что мы готовы сами себя контролировать и показывать эти цифры, чтобы не вызывать никаких проверок. И количество проверок, как мы надеемся, по нашей отрасли будет снижаться. Изменения происходят, я согласен и с Грудининым, и с Пронько, что они есть, и этими изменениями надо заниматься. И предприниматель должен что-то предпринимать для того, чтобы эти изменения действительно происходили. Нам надо что-то делать, чтобы не глумилась челядь и не кичилась власть.

Дмитрий Потапенко: Но самое главное, что у вас есть реальный кейс, как вы это сделали. Спасибо, Денис, за то, что поделился.

Владислав Жуковский: Постепенно будем двигаться дальше. Предоставлю слово Николаю Васильевичу Коломейцеву. Это наши давние боевые товарищи, представители Компартии Российской Федерации, зампред фракции в Государственной Думе. Думаю, крайне интересно было бы услышать мнение о том, как вы оцениваете эти масштабы стабилизация, застоя. Нам шесть лет рассказывают про какое-то вставание с колен, про рывок в будущее, про новые планы «Путин 2.0», «Новая индустриализация», но по факту мы видим, что мы где-то в такой хорошей застойной деиндустриализированной экономике, трубы низких переделов, сидим и в принципе никуда не двигаемся.

Интересно просто с точки зрения политической борьбы есть ли шансы этот экономический базис, офшорно-олигархический базис и надстройку, которая над ним выстроена в виде этой феодальной крепостной системы управления, как-то изменить, эволюционно-

революционный путь, и здесь уже дискуссия состоялась по этому поводу, и политическая борьба будет нарастать в обозримой перспективе, или опять шесть лет сидим на попе смиренно, и хлопаем в ладоши, как нас призывают представители правящей партии?

Николай Коломейцев: Спасибо. Постараюсь ответить на вопросы, которые стоят у вас в заголовке. У нас два варианта. То, что будет происходить и происходит, определяет Кудрин и его центр. У нас не шесть лет, а 18 происходит реализация экономической политики Кудрина и его команды. Если вы посмотрите, сегодня Силуанов, он вырос при Кудрине с рядового сотрудника до министра финансов, но продолжает ту же политику. В чем она выражается?

К сожалению, бóльшая часть законодательной базы Российской Федерации сформирована для рентодержателей, во имя рентодержателей и во имя их защиты. Поэтому, если вы посмотрите сегодня, смотрите, бюджет посчитан на 40 долларов за баррель. Сегодня он в 1,5 раза выше. Но куда деньги? На поддержку экономики, на решение экологических проблем, на изменение структуры экономики, о которой говорят как минимум? Нет. По бюджетному правилу они будут как раз нашим формальным обозначенным недругом в американские и другие ценные бумаги стерилизоваться, и это происходит уже.

Второе. Если вы посмотрите, то большая часть экспертного сообщества – знаю, что и вы тоже – убеждены, что причина нашего затянувшегося кризиса – в корне неправильная кредитно-денежная политика и финансовая политика. У нас происходит искусственный недопуск производителей к финансовым ресурсам. В результате монетизация экономики даже вопреки людям, получившим в этой сфере нобелевские премии – скажем, Джеймс Тобин, или Джозеф Стиглиц, – они считают, что монетизация экономики не может быть меньше 50% от ВВП. Нормально 70%, а в странах «Семерки» нигде 190% нет. Американцев никто не знает, потому что 20 трлн напечатали вовне, и печатный станок находится у них в стране.

Если посмотрите, что происходит у нас, то у нас за все это время монетизация экономики ни разу не была выше 46%, на сегодня она 43,5%.

Давайте посмотрим, от чего зависит монетизация нашей экономики. Она что, зависит от печатного станка, от необходимости экономики? Нет. Она зависит от количества иностранной валюты, находящейся на момент в ЦБ. Есть бивалютная корзина, сформулированная в евро и долларах, и от этого, и от цены на нефть зависит количество денежной массы, которая есть у нас в стране. Параллельно с этим, посмотрите, нам как мантру повторяет Набиуллина, что мы будем третировать инфляцию. А я специально посмотрел, что из 23 стран только российский финансовый регулятор не отвечает за рост

экономики. У всех 23 ведущих центробанков обязательно первым есть рост экономики, потом безработица и инфляция. У нашего финансового регулятора среди его обязательств этого нет.

[01:18:22]

Третий вопрос. Не я, а нобелевские лауреаты считают о том, что процентная ставка по кредиту или ключевая ставка финансового регулятора не может быть выше половины рентабельности. Если верить Росстату, то средняя рентабельность по России за прошлый год – 7,7%, а у нас ключевая ставка, которая, говорят, что маленькая – 7,25%. 7,25% – это же стоимость денег в ЦБ, а пока вы придете получать кредит, здесь коллеги уже говорили, сколько он стоит. Поэтому, если следовать этому тезису, то кризис будет у нас усугубляться.

Что надо делать? С нашей точки зрения, вообще-то надо поменять кредитно-денежную политику и Закон «О Банке России», потому что на сегодняшний день Банк России – это акционерное общество, которое решает свои вопросы, далекие от интересов страны. Причем, если вы почитаете внимательно Закон «О Банке России», там написано, что Банк России не отвечает по обязательствам государства, и якобы государство не отвечает по обязательствам банка. Но я вам напомним, случился кризис 2008 года, что первое делало Правительство, Дума и все остальные? Первое – выделили 12,8 трлн руб. для того, чтобы удержать банковскую систему и сохранить активы наших олигархических структур, которые занимали вовне – и Дерипаска, и Абрамович, и другие коллеги, – но им-то давали под LIBOR +1,5%, а все остальные получали под 30% и более. Это первое.

[01:20:08]

Второе. Здесь коллега, занимающийся юридической практикой, говорил об их необходимости. С моей точки зрения, пока не будет возвращена выборность судей, в судах кроме кошелька и телефонного права никто решать ничего не будет, по большому счету. Особо выдающиеся, наверное, в исключительных случаях смогут, а сегодня звонковое право. Золотая судья Хахалева. Сегодня адвокаты выяснили о том, что у человека нет даже юридического образования, диплом купленный. Но никто не хочет заниматься этим. Взяли справки и в Тбилисском университете, и в Сухумском университете, что не было такого диплома и такого студента. Но ни правоохранительные органы, ни Генеральная прокуратура, ни коллегия судей ничем заниматься не хотят. Это есть после кредитно-денежной вторая проблема, которая в принципе не дает возрождаться.

И третья, она фундаментальная проблема. По нашему мнению, если не изменить структуру Правительства... У нас ведь что происходит? У нас каждое Министерство – это мини-

Правительство макроговорун. Нет индикаторов ответственности отраслевых министерств за результаты своей деятельности. Если вы проследите, в принципе, в управлении ведь результат должен определять, а у нас сегодня госкорпорации имеют колоссальный доступ к дешевым финансовым ресурсам, но никакой ответственности за результаты своей деятельности. С моей точки зрения, все госкорпорации по большей части – это сверху госкорпорация, а внутри коммерческая структура для зарабатывания или для делания олигархов на государственных деньгах. Можете проверить, что такое Роснефть, что такое Газпром, что такое «Роснефтегаз». Они даже положенные по решению Правительства Российской Федерации 50%-ую уплату дивидендов не выполняют. Как правило, в тени подписывают в виде исключения бумаги и ничего не платят.

Здесь выхода два. Или мы по методу ситуации в Кемерово, вся страна выйдет на улицы и потребует изменения. Или при формировании... А вы видели, что первые должностные лица просто так никуда не ездят. Я думаю, что нарисованного президента, в принципе, очень испугала ситуация в Кемерово, но я вас уверяю, ситуация в Кемерово, она свойственно всем малым и средним городам, потому что бывшие фабрики и заводы во многих местах переделаны под торговые центры в нарушение всех требований противопожарной безопасности, электробезопасности и других. Поэтому я думаю, что все-таки переформатирование Правительства должно происходить с учетом этих проблем и предвоенной ситуации, которая есть в мире.

У нас ведь при всех похвальбах о наших успехах на международной арене фактически не осталось союзников. У нас последнюю Беларусь выталкивают, хотя вроде бы мы с ними строим союз. Вы посмотрите, нас обложили со всех сторон. Запускают атомную станцию, строительство в Турции, но за наши же деньги. У себя не хотят строить, а там строят. В Иране строят за наши. В Финляндии строят за наши. Наверное, надо атомную промышленность развивать, но правильно или за чужие деньги, или строить у себя.

В завершение. Без политизации общества и осознания тревоги, которая существует и в стране, и в мире, все мы должны, просыпаясь, задавать себе вопрос: чего мы хотим себе, своим детям и нашей стране в ближайшем будущем? Потому что оно у нас крайне туманно. И при продолжающейся пассивности, а я не согласен с утверждениями о том, что якобы 78% поддержали Путина. Если вы посмотрите результаты голосования, то на первых 50% участков было 21 млн поддержки, а на вторых 35 млн, что в принципе невозможно. Я давно занимаюсь выборами. В принципе, первые 15 участков показывают тенденцию. А здесь было грубое рисование тремя способами.

Голосование по месту жительства позволило одному узаконенному карусельщику проголосовать минимум три, максимум пять раз.

Второе. Электронная система, которую не дали вообще-то проверить, и Иван Егоров, который из Чечни майор вернулся без единой царапины, был искалечен за то, что потребовал пересчета на участке в Марьиной роще.

Мы считаем, что необходимо в принципе изменение системы формирования комиссий, избирательного законодательства, если не хотим горячих революций.

И, конечно же, голосование вне помещений, минимум 20 минут надо на человека. На многих участках вне помещений проголосовало от 300 до 700 человек, что по времени невозможно. То есть необходимо вообще-то приведение в порядок избирательного законодательства. Избирательная комиссия должна не на стороне одного из кандидатов выступать. Она получает деньги за то, что организывает выборы по закону. Поэтому желаю всем вам, чтобы мы начали жить по закону. Спасибо.

Владислав Жуковский: Николай Васильевич, у меня один вопрос. Вам не кажется, что, может быть, мы сильно сгущаем краски, очень неправильно относимся и к правящей вертикали, к власти? Напомню, две недели назад «Единая Россия» под аплодисменты приняла законопроект, который разрешает без уплаты сборов и податей собирать валежник в лесу, чтобы люди могли печки топить? То есть, в принципе, я грибы и якобы уже ввели сбор, на рыбу ввели, зато валежник остался.

Николай Коломейцев: Одновременно «Единая Россия» приняла поправки в 170-ю статью Налогового кодекса, которая фактически вводит двойное налогообложение для тех, кто якобы получил субсидии. Объявили льготные субсидированные ставки, а теперь мало того, что вы поставщикам заплатили, вас обязывают теперь еще раз заплатить НДС, это двойное налогообложение. Поэтому, с моей точки зрения, Кудрин не думает о том, чтобы изменялась структура.

Я специально проанализировал структуру нашего экспорта, структуру нашей экономики. За последние шесть лет она фактически не изменилась, ни в экспорте машин... Экспорт как раз углеводородов увеличился, если даже брать с учетом падения цен на нефть. Поэтому, с моей точки зрения, сейчас мы пока заложники старого либерального курса, который уже завел нас в яму.

[01:27:03]

Владислав Жуковский: Спасибо. Вернёмся к практике вопросов из зала. Вам есть о чем спросить наших выступивших спикеров по вопросам экономики, финансов, бюджета, развития страны в целом, политического пространства, которое скукоживается как шагреновая кожа. Как было сказано, раньше была Государственная Дума, не место для дискуссий, теперь, видимо, все сакральное виолончельное царство уже не место для дискуссий. Поэтому, если есть вопросы, то подходите к микрофону, задавайте вопросы, и постараемся тезисно и четко ответить.

Реплика: Вопрос Ивану Миронову. Мне интересно, тот завод, про который он рассказывал, если бы он входил в какую-то крупную бизнес-ассоциацию, допустим, у того же Бабкина «Росспецмаш», могло ли с ним такое случиться? Как в такой ситуации смотрят рейдеры на завод, который не сам по себе, а входит в какой-то крупный холдинг, кооператив или еще что-то? Может ли это защитить бизнес?

Иван Миронов: В том-то и дело, есть такая иллюзия, что, скажем, если предприятие считается стратегическим, выполняет Гособоронзаказ, имеет определенную степень секретности, что это кого-то остановит. Это не останавливает. Все, что я перечислил – это как раз владимирское предприятие. Это создает некую иллюзию безопасности. Если ты идешь от государства к государству, и в итоге ты получаешь нары. Да, удастся отбивать, удастся забирать и все-таки эти дела вести к прекращению.

Но мой коллега сказал очень важную вещь – избранность народных судей. У нас сегодня судьи не несут ни малейшей ответственности за неправомочные, незаконные преступные решения. Даже если человек осужден, даже если мера пресечения неоднократно продлевалась, а потом выясняется, что дело сфабриковали сотрудники правоохранительных органов, то судья ни разу никогда не понесла ответственности за историю современной России.

Более того, когда по ряду дел стали всплывать договора, которые заключают банки с государственным участием с юридическими конторами, которые выступают в качестве решал и в качестве рейдеров уже непосредственно под банковским прикрытием, выясняется, официальное соглашение мы читали о том, что частная юридическая компания обязуется перед банком организацию сопровождения о возбуждении уголовного дела. При этом себе они берут порядка 5% от взысканного. Из этой суммы – а речь идет порядка 100 млн, – они обязуются себе взять 10%, а остальное – оплатить услуги неких экспертов. То есть уже этот коррупционный механизм, уже коррупционные суммы взяток, которые отправляются сотрудникам правоохранительных органов, они прописываются в официальных соглашениях, вот до чего дошло.

Помимо избранности судей здесь еще необходим суд присяжных, который необходимо распространить на категорию экономических преступлений.

Владислав Жуковский: А суд присяжных, про него же, помню, в конце нулевых годов было море разговоров, примерно как про вставание с колен. Помню, и Дмитрий Анатольевич Медведев выступал с этой инициативой. Вроде бы в Государственной Думе даже обсуждалось широко. Потом что-то пошло не так. У меня ощущение, что когда суд присяжных оправдал конкретно еще и тебя, стало окончательно понятно, что суд присяжных не надо вводить, уж тем более по экономическим статьям и преступлениям, тем более это не противоречит интересам определенных крупных кланов и властных структур. Как это понять? Это будет суд присяжных или не будет?

Иван Миронов: Как ни парадоксально, но сегодня суд присяжных нужен власти, потому что когда власть сегодня обвиняет все больше и больше, и будут в последующем обвинять в репрессиях, она всегда будет говорить: «Ребята, это не мы, это судьи из народа, это коллегия, которая так решила и посадила. Они даже согласятся с 10-15% оправдательных переговоров по сравнению с 0,2%, которые есть сейчас.

Да, сегодня идет расширение, с лета реформа должна вступить в силу. Но под суд присяжных, опять-таки, попадают только насильственные преступления, а именно убийства и нанесение тяжких телесных, повлекших за собой смерть, и покушение на судей, на представителей государственных органов, и так далее. Экономические преступления упорно также выводятся из юрисдикции суда присяжных, что недопустимо. И у нас была практика, когда вначале реформы, когда был введен суд присяжных, все-таки народные судьи рассматривали эту категорию дел. И, конечно, к этому необходимо вернуться, но тогда манипулировать решением судей отжимать бизнес, разорять – а через это разоряются целые регионы и бюджеты – будет невозможно. Это момент надо добивать, чтобы он был.

Николай Коломейцев: Вы понимает, проблема в чем? Проблема заключается в том, что у нас, если вы внимательно читаете Закон «О судебной системе», то там написано, что судья не по закону решение принимает, а по внутреннему убеждению. То есть необходима коррекция законодательства.

Второе. Если вы проанализируете практику рассмотрения судом присяжных особо резонансных дел, то даже среди них вы найдете варианты, когда осуществлялись насильственные действия и запугивания судей. То есть в стране, в которой порядка 4 млн охранников в охранных агентствах – вы же понимаете, зачастую кто это такие, – введение

таких институтов без введения программ защиты, оно в принципе мало толку даст. Здесь необходима вообще-то более комплексная работа.

[01:33:07]

Реплика: Добрый день. Я бы хотел сказать пару фраз, но после того, как задам свой вопрос. Откуда в нашей стране возьмутся моральные ценности? Как вы это видите? Понимаете, я системный аналитик, и без наличия моральных ценностей все, что мы обсуждаем, может не сработать. Откуда они могут взяться? Ведь вы же сами обозначили насчет розовых каннибалов.

Дмитрий Потапенко: Я так понимаю, мне придется отвечать, поскольку про розовых каннибалов я рассказывал.

Я их определяю, существующих персонажей, розовыми каннибалами именно по причине того, как они себя ведут.

Какие-то моральные ценности есть и так, другое дело, что они, скорее всего, именно на уровне розовых каннибалов, и могут ли они как-то перерасти во что-то другое?.. Тут я не могу не согласиться с Иваном, что мы находимся на переломе, причем на переломе достаточно жестком, и пока не произойдет, грубо говоря, успокоение в части имущественного комплекса большей части народонаселения, то есть, грубо говоря, когда не будут удовлетворены, как по пирамиде Маслоу, основные базовые потребности хотя бы в еде, а поскольку у нас там эта нищета зашкаливает любые разумные пределы, то те моральные ценности, которые есть, они будут близки к розовым каннибалам. Пока человеку нечего есть, негде спать, у него нет имущественного комплекса, пока он, грубо говоря, не удовлетворил базовые потребности, говорить о том, будет ли он читать Шопенгауэра – скорее нет, чем да. Думаю, в этом основная проблема.

Николай Коломейцев: Проблема еще в том, что нам навязана система образования, которая в принципе дебилизирует общество. Есть мнение ряда экспертов, что система ЕГЭ была взята для школ неполноценных детей, в то время когда наша советская/российская система образования в свое время была среди ведущих. Мы разработали такой закон во главе с академиком Алферовым «Образование для всех», но пока его только частями пытаются возвращать. А мы считаем, что надо изменить систему образования и принять новый Закон «О культуре», который позволяет на законодательном уровне обеспечивать формирование и образовательной, и культурной среды.

Если вы помните вывод руководителя по линии Академии наук результатов расследования Чернобыльской аварии, там академик сказал о том, что уровень морально-нравственных

качеств руководства не соответствовал сложности управляемого объекта. У нас сегодня, к сожалению, происходит все большее углубление этот разрыва.

Реплика: Я хотел прокомментировать насчет моральных ценностей. Ведь моральные ценности исторически присущи России, и вы их игнорируете. Например, сегодня Великая Среда, завтра Великий Четверг, потом Пасха, православие.

И последняя фраза насчет моральных ценностей. Один известный поэт очень интересно сравнил Россию после Сталина с женщиной, изнасилованной сифилитиком. Россия после Сталина – женщина, изнасилованная сифилитиком. То есть мы находимся в каком-то смысле вне морали, и это причина всего того, о чем вы рассуждаете.

Дмитрий Потапенко: Спасибо. Но я думаю, что надо отдавать должное, что мораль существует всегда, даже в каннибалистическом обществе, только вопрос – какая? Поэтому говорить, что мы такие высокоморальные всегда были, а Запад не высокоморальный – это глупость.

[01:37:54]

Реплика: У нас случилась страшная трагедия – Кемерово. Вначале сегодняшней встречи мы говорили, что якобы мы ждем новый курс. Но посмотрите, что произошло, и я хотел бы услышать ваше мнение, в последние два дня. Молчали очень долго о том, что происходило в Кемерово. Сейчас эта болячка вскрывается наконец-то. Ушел некто губернатор, сказал тебе господи...

Дмитрий Потапенко: Ушел, не уйдя.

Реплика: Да. Но посмотрите, он стал депутатом регионального парламента, ему сохранили все привилегии, пенсию и возможности.

Дмитрий Потапенко: Пенсия 250 штук.

Реплика: Это что, новый курс?

Владислав Жуковский: За это, к сожалению, проголосовало 76,69% россиян, которые не хотят наотрез думать головой, серыми клеточками мозга, и все-таки голосуют, видимо, надеждами на будущее, хотя разговоры про модернизацию, инновацию, борьбу с коррупцией, и вот-вот хороший царь-патриот, прикованный к кровати либо к батарее наручниками либералов, вырвется из нее и будет спасать Россию-матушку, мы продолжаем играть в эту старую русскую народную забаву.

Дмитрий Потапенко: Влад, это не голосование, еще раз говорю, это наемники. Они обязаны это делать. Если они не будут этого делать, то не будет заработной платы, не будет питания. Поэтому экономика – first. До тех пор, пока не будет альтернативного дохода у людей, когда они смогут... Выборы возникают только когда у человека есть альтернатива. А когда человек привязан как наручниками, по сути дела, к так называемому бюджету, к системе распределения, он будет голосовать хоть за розовых каннибалов, о которых я говорил. Поэтому все правильно.

Реплика: У меня два вопроса. Первое. Если у нас такая проблема с коммерческими банками, которые распоряжаются государственными деньгами, нельзя ли эти государственные средства, которые идут на инвестицию, проводить через Казначейство, минуя коммерческие банки?

Второй вопрос к законодателю и переработчику. Швеция 36 лет внедряла разделение мусора на уровне домашних хозяйств. Раз у вас такие успехи идут по законодательной инициативе, нельзя ли через Думу провести тоже такой закон о разделении мусора на уровне домашних хозяйств и так далее для того, чтобы разрешить проблему такую, какую Швеция решала 36 лет?

[01:40:40]

Денис Кондратьев: Вопрос хороший. Но нам столько времени не надо, потому что Швеция и Евросоюз шли так долго к этому пути с 1994 года. Там, правда, не 30 лет, давайте с 1994 года, там появилась директива Евросоюза.

Обращаясь к мировому опыту, все было тривиально. Государственная Дума приняла действительно прекрасный закон, и поправки, которые были в декабре в 458-й, тоже они... Это хороший закон, это такой же дом, как в Германии, как то, что я рассказывал. Закон хороший, а подзаконные акты сумасшедшие.

Возвращаясь к первому опыту, что вы сейчас вопрос мне задаете, отвечаю вам очень просто: у них загрязнитель платит 100%, в России 10%. Страны, которые адаптировали в Евросоюзе этот закон как в закон об упаковке, только те страны, которые сразу же ввели 100%-ый норматив на исполнение, сегодня достигли целевых показателей – это Германия, Австрия, Бельгия, – они этого к 2008 году достигли с 1994 года. 99% собираемости и возвращаемости в хозяйственный оборот, например, бумажных отходов. По пластике то же самое. Нам этот путь не надо преодолевать, нам просто нужно сделать. Колесо давно изобретено, мы должны просто начать им пользоваться. Если Минприроды не в состоянии понять просто элементарный закон экономики... Женщина не может родить 10% ребенка,

или может, но тогда это не ребенок, это что-то страшное получается. Поэтому или это полноценный ребенок по шкале Апгар, или это 10%-ое чудо, которое мы получаем. Нет такого закона, о котором вы говорите. Он есть, у нас такой же закон, как в Евросоюзе. Там не прописано, что вы как гражданин должны это делать. Там есть просто система штрафов. Возле вашего дома поставили по системе расширенной ответственности производителя контейнеры для бумаги, стекла, пластика и так далее. Они бесплатные в Евросоюзе. Почему? Потому что это, грубо говоря, умный избирательный налог. Если вы потребитель, то в цене этого товара, который вы потребили, есть сумма, это называется экосбор. И на эту сумму экосбора возле вашего дома, к примеру, если вы живете в Германии или в Швеции, если вам так ближе, появляется контейнер. Он бесплатный, вы за него не платите, вы уже товаром заплатили на эти деньги. А то, что вы не можете уже рассортировать, то есть это мусор, за это вы и платите. То есть тариф там выше, на бесплатные контейнеры вы уже заплатили товаром. У нас то же самое. Но на 10%... То есть мы сегодня с вами в Москве, что бы то ни было покупая, в цене этого товара не доплачиваем 90%. И поэтому дети, которые в Ярцево страдают, они также на нашей совести с вами, потому что мы же недозаплатили с ними. То есть мы фактически с вами намусорили, но не убрали, на 90%. На 90%! Не может быть построена система. Чтобы построить завод, сначала надо деньги вложить, а потом он будет работать. Нам предлагают это сделать за 10%.

[01:43:50]

Николай Коломейцев: Тут не совсем так. Не совсем с вами соглашусь. У нас есть в Чувашии город Новочебоксарск, в котором с 1978 года и по настоящее время есть отдельная уборка мусора. Наша проблема в трех вещах.

С моей точки зрения, когда произошел перекоп в Налоговом кодексе, и доходы вместо 50 на 50, начали делиться 64 на 36, то полномочия по 184-му закону, 150 полномочий передали на субъект, а субъект на муниципалитет, а денежных мандатов не дали. Но ответственность за мусор на муниципалитете, у которого нет денег даже на проектно-сметную документацию. А он должен полигоны ТБО организовывать, он должен всю систему. Это первая проблема.

Вторая проблема – аффилированность структур, которые убирают, с властью, и неправильное формирование власти. У нас сегодня мы не выбираем мэра во многих местах, а назначают сити-менеджеров, то есть дают ярлык направления. Приходит временный человек, который никогда не жил, приводит свои фирмы, и начинает осваивать деньги. Ему некогда решать проблемы мусора...

Дмитрий Потапенко: Но осталось всего 7 городов. И третья проблема какая?

Николай Коломейцев: И третья проблема. В принципе, у нас ни один закон в Российской Федерации не начинает работать в полном объеме без поправок. Еще не успели принять осенью закон, уже вносим поправки.

Дмитрий Потапенко: Коллеги, продолжим. Предоставлю слово еще одной группе товарищей, которые показали своими действиями, что они в состоянии добиваться пусть и маленьких, но успехов.

[01:45:51]

Сегодня к нам присоединился один из моих коллег, человек, с которым мы, по сути дела, жили в одном КУНГе, дальнбойщик. Сережа, тебе слово. Сергей представляет у нас Московскую ассоциацию объединений перевозчиков России. И тот протест, который они организовывали в Химках, он был одним из инициаторов этой истории. Как я сказал, мы проехали то ли 7 тыс. км, делили один котелок. Прошу, Серёжа.

Сергей: Здравствуйте. Представляю общественную организацию «Содействие развития автомобильных перевозок», «Объединение перевозчиков России». Создались мы не так давно, относительно молодая организация. 30 апреля будет нам два года. Павлу Николаевичу Груднину хотел сказать спасибо. Проводили съезд у него в Совхозе Ленина, он нам предоставил свой Дворец культуры.

За это время мы успели пройти много против шерсти этой системы, так что заноз на нас хватает. И судимые, и сидели немножко, и вши покормили. В общем, было.

Беда в том, что мы вышли на тот момент на улицы, когда мы не просили у государства ничего. Не надо нам денег, не мешайте нам. Мы работали, кормили свои семьи, и на тот момент уже были на грани рентабельности, когда вводили «Платон». Но простояли пять месяцев в Химках ребята, за это время собрали мы регионы, провели съезд, организовали. И тут у нас началось. Думали, что мы будем взаимодействовать, у нас есть какой-то опыт, но, скажем так, диалога с властью нет.

Я был на круглом столе в ноябре месяце 2016 года перед повышением «Платона», в два раза хотели повысить. Там было так, чисто формально все. На первой кнопке камеры сказали, что «Все, хорошо, “Платон” приносит пользу». Там замминистра говорил, начальник Росавтодора. Построили столько мостов, которые пять лет до этого строили еще, «Платона» и в помине не было. В общем, все хорошо.

Когда я сказал, что «А народу пользу приносит?», сразу же выключили камеру, ушли в другое помещение, досняли репортаж, и пока еще круглый стол не закончился, уже вышло в эфир все, мне сообщения пришли.

Были все крупные производители, они говорили: «Не надо поднимать. Мы реально понимаем, что грузоперевозчики на стадии рентабельности». Нет, тут же сказано было, что «Это не обсуждается. Все наверху решено».

Когда я им говорил, что «Давайте наведите порядок в дорожном строительстве, найдите то, куда деньги утекают, куда идет акциз, большущие деньги, там “Платон” рядом не стоит, куда идет транспортный налог», реакции ноль.

Что дальше? Много проехали. Мы проехали с Дмитрием 12 тыс. км вместе.

Владислав Жуковский: Что-то изменилось с тех пор? Позитив есть?

Сергей: Позитива нет. На тот момент, когда сказали, что не надо обсуждать, два раза, пришлось делать опять-таки протестные акции, по всей стране прошли. Встретились бутафорские дальнбойщики, было сказано по телевидению, с Медведевым, провели, и согласовали, что мы не на 100% поднимем, а всего на 20%. Таким образом, опять-таки, профанация. Профанация во всем.

Были там люди, которые вообще никого не представляющие на тот момент. Один там был айтишник, который занимается электроникой.

[01:50:07]

Владислав Жуковский: Но президент недавно заявил, что необходим диалог власти и общества, что мы стабилизацию через стабилизец, застой обеспечили, а теперь нам нужен диалог, чтобы развиваться вперед рывком. Может быть, сейчас все-таки ваше мнение, ваших профсоюзов дальнбойщиков, переводчиков услышат все-таки, и будет какой-то найден компромисс, отказ назад? Или не сильно верите? Потому что было много красивых слов перед выборами.

Сергей: На диалог они пойдут, конечно, но на этом диалоге игра в одни ворота. Ворота их, не наши совсем. Какие бы мы аргументы ни приводили, есть проекты, которые с 2012 года разрабатывались, которые сейчас в принципе еще кое-что актуально, можно было навести порядок. Но им это не надо, скажем так, они сейчас работают на убийство малого предпринимательства. Если говорить, что малый предприниматель существует – он не существует, а выживает. Система прогнила с самого верха донизу, и уже пошла по горизонтали. Все работает на откатах, распилах, взятках. Кто не брезгует этим заниматься,

потому что нечестив равно тот, который дает и который берет. Кто не брезгует, те каким-то образом еще пытаются шевелиться, барахтаться. А кто почестнее, люди уходят просто с рынка, не знают, куда дальше.

У нас перевозчики все в свое время взяли – понятно, денег не было – кредиты потребительские под большой процент, кто-то в лизинг взял, взяли машины, и сейчас на грани того, что машины встанут...

Владислав Жуковский: Я бы дополнил, что буквально дня три назад вице-премьер Правительства Аркадий Дворкович заявил, что нам необходим очередной раунд повышения налогов и разного рода неналоговых сборов, внимание, для того, чтобы наконец-то отремонтировать российские дороги. То есть акцизов на топливо не хватило, разного рода налогов не хватило, «Платона» не хватило, то есть не хватает ничего, и новые-новые подати. То есть, я так понимаю, что должен быть теперь веерный рост акцизов на топливо, транспортных сборов и самих ставок по «Платону».

Дмитрий Потапенко: Влад, когда президент говорит, что должен быть диалог между властью и обществом, он честен перед нами. Просто общество, когда он выступает перед собранием каким-то законодательным, или Федеральным Собранием, или перед списком Forbes – вот общество. А мы-то какое отношение к этому имеем?

Николай Коломейцев: У меня, наверное, случайно оказалась одна справочка интересная. «Платон» ввели. Благодаря протесту в 100 раз уменьшили штраф. Сейчас они пытаются их поднимать. Одна интересная деталь.

Государственная корпорация «Росавтодор», имея в 50 раз меньшую протяженность дорог, на «Платоне» собрала 8,5 млрд руб., а братья Ротенберги собрали всего 18 млрд руб. Как же мы их отремонтируем?

Владислав Жуковский: Нищающее население.

Сергей: Акциз в топливе – сумасшедшие деньги. Там не нужен «Платон», рядом, близко не стоит с теми суммами. Просто эти деньги не окрашены. Эти деньги поступают в бюджет или еще куда-то, а были о расходуются, никто этого не знает. И когда я начал говорить «Наведите порядок», они говорят: «Ну, вы знаете, это не здесь, это к госпоже Набиуллиной». Набиуллина скажет: «Идите туда», если еще дальше пойдет диалог. Диалога нет как такового.

Сейчас у нас управляющая система наша нуждается в изменениях, в переменах. Все поддерживают, здесь много говорили. Те чиновники, которые есть, они сами себе руку не

отрубят. На данный момент с 2014 года есть 212-й федеральный закон, в котором сказано, что общество должно принимать участие в строительстве государства, управлении государством. Непосредственно это институты общественного контроля. Они этот закон – как вы говорили раньше, любые законы, они там поправками, дополнениями, подзаконными, – они его извратили до такой степени, что он на данный момент не работает. Да, они создали общественные советы при администрациях из таких же, как и они, которые контролируют таких же коррупционеров. Полностью все прогнило.

[01:55:00]

Пока не будут соблюдаться законы федеральные, уголовные, то ничего не получится. Но законы не будут соблюдаться, пока не будет соблюдаться Конституция.

Владислав Жуковский: Спасибо. Давайте двигаться вперед. Владимир Левченко – это наш хороший друг, коллега, эксперт по финансовым рынкам, эксперт по вопросам макроэкономики, макрофинансов. Думаю, было бы интересно услышать твой взгляд на некую обозримую перспективу. На шесть лет вперед если мы не заглянем, то хотя бы на год вперед, на ближайшее обозримое будущее, что нас ждет в условиях окончания сырьевого суперцикла, и к чему нам всем готовится? Формально все красиво. Инфляция 2,5%, местами даже меньше была, помесечная инфляция 0,2%, процентные ставки обещают постепенно снижать, говорят, что экономика вроде как отскочила, оттолкнулась от дна, и куда-то сейчас будет отрастать рекордными темпами, хотя все понимают, что никакого роста в 1,5 раза ВВП на душу населения не будет. Для этого необходимо, чтобы экономика росла в месяц или в год минимум на 6%. Такого не было с 2008 года, и вряд ли сейчас случится в условиях стабильно... подорожавшей, но все еще дешевой нефти и завышенного курса рубля. К чему нам готовиться, и предпринимателям, и обществу, и бюджетникам, и в целом всем категориям граждан?

Владимир Левченко: Доброго дня. Во-первых, нефть не дешевая, а она за пределами дорогая на текущий момент. Если мы сравним нефть с альтернативными источниками энергии, то она стоит примерно в семь раз дороже. Если перевести стоимость солнечной энергии для промышленного потребления в Соединенных Штатах на бочки нефти, то она стоит 10 долларов за бочку, а не 70. Соответственно, при дальнейшем развитии цивилизации в этом же направлении мы будем наблюдать падение, как мы и наблюдаем, в целом доли углеводородов и в мировой экономике, и падение дальнейшее веса нефти как некоего стратегического товара на мировом рынке, и при сохранении той системы экономической, которая у нас есть, наша страна и дальше будет терять позиции в мировом масштабе.

Если мы посмотрим, что произошло с уровнем жизни жителей нашей страны за последние шесть лет, за последний срок нашего президента, который был, то уровень жизни в стране упал, это мы все знаем, притом что в целом уровень жизни людей в мире вырос.

Что по результатам этих выборов какой вывод можно сделать? Людям это понравилось, совершенно очевидно. Что понравилось? Прежде всего, внешняя политика, а что происходит с их уровнем жизни, людей особенно не волнует, и здесь, безусловно, уже давно телевизор победил холодильник, поэтому с помощью PR-технологий можно и дальше либо пренебрегать уровнем жизни населения, либо еще сильнее его опускать.

И есть, на мой взгляд, еще гораздо более важный фактор – это не ВВП, не уровень жизни как таковой, а показатель качества жизни. И то, о чем мы сейчас говорили с точки зрения мусора, экологии, качества дорог, качества продуктов питания, которое просто обрушилось с введением санкций... Здесь можно долго в эту историю углубляться. Это мощный прямой удар по здоровью нации, причем и физическому, и психологическому, что самое главное. И подобная стратегия резко упрощает любую пропаганду. Я сам человек, находящийся внутри средств массовой информации, я все это прекрасно вижу.

С точки зрения макроэкономики. Во-первых, падающий сырьевой цикл у нас достаточно давно, он стартовал в 2011 году, исходя из существующей истории. Длиться этому циклу еще лет так 12-13, то есть до конца следующего десятилетия. То, что мы наблюдаем сейчас, можно сказать про то, что цены на нефть задраны искусственно, держатся искусственно. Что-то похоже мы наблюдали как раз таки в первой части предыдущего падающего сырьевого цикла вначале 1980-х годов. Тогда Саудовская Аравия одна пыталась держать цены на нефть ценой сжатия втрое собственной добычи нефти. И когда они поняли, что им это точно не удастся, первая же попытка хотя бы немножко восстановить добычу, она привела к обрушению цен вчетверо. Более того, в те моменты, когда нефть в 2008 году (10 лет) назад стоила больше 140 долларов за бочку, альтернативная энергетика стоила дороже чем сейчас. Сейчас она стоит дешевле, причем в разы, по этой причине она вытесняет обычную углеводородную энергетiku.

Исходя из этого, исходя из больших циклов, можно сюда добавить еще циклы солнечной активности, которые использует и Всемирный банк в оценке и в моделировании дальнейшего развития ситуации.

[02:00:01]

Нас ждет падение цен на нефть куда-нибудь долларов до 17 за бочку, и в коридоре от 25-30-40 цены будут находиться достаточно длительный период времени.

Более того, мы достаточно скоро столкнемся с тем, что цивилизация наша перестанет увеличивать потребление нефти номинально. Это первый момент.

Еще один очень важный момент – это то, почему наша страна пошла на сделку с ОПЕК.

Напомню, что в момент введения санкций в 2014 году все как один аналитики, эксперты по нефтяному рынку, предрекали России падение добычи нефти. Все ошиблись. И хочется задать вопрос: такие идиоты у нас все, что ли? Тем более они все сейчас говорят, что как только мы выйдем из этого соглашения, то мы начнем наращивать добычу.

У меня возникает вопрос: не были ли в тот момент задействованы все возможные ресурсы для того, чтобы поднять добычу, и именно поэтому мы присоединились к сделке с ОПЕК, что мы физически уже не можем добычу наращивать. Более того, динамика экспорта нефти из нашей страны за последние три года совершенно четко указывает именно об этом. Это первый момент, момент очень важный. Более того, я в свое время научил весь мир считать цены на сырье, прежде всего, на важные стратегические товары и на нефть в национальных валютах, прежде всего, в рублях. Могу поздравить, у нас сейчас бочка нефти в рублях стоит столько, сколько не стоила никогда. Это очень важно, это вопрос об эффективности нашей экономики. С одной стороны, вроде как мы получаем колоссальный ресурс, который можно перераспределять дальше по экономике, с другой стороны, мы вроде как видим, что перераспределять все равно нечего. Если мы посмотрим на состояние денежного мультипликатора в нашей экономике, то мы увидим, что мы не входим в кризис, мы уже в него влетели и висим над пропастью, в буквальном смысле слова висим. И ту лавину денег, которую печатает ЦБ, она уходит для того, чтобы залатать те дыры, которые образовались еще с кризиса 2008 года, потому что на самом деле те неэффективные собственники, те неэффективные предприятия, которые были, у которых этот кризис выявил просто колоссальное количество токсичных активов, эти токсичные активы никуда не ушли, они остались на балансах, лучше работать большинство из них, к сожалению, не стало, но этот же актив, он же кредитный, он просит денег. На эту историю добавились проблемы 2014-2015 годов, и именно по этой причине в прошлом году, когда мировая экономика находилась на невероятном пике своего растущего цикла и эйфории, в мировой экономике была рекордная за всю историю существования нашей человеческой цивилизации, в этот момент у нас вдруг все практически системообразующие банки страны оказываются банкротами и нуждаются в срочной санации, то бишь во вливании в них огромного количества денег. Эта ситуация просто очень четко дает понять, какое количество экономических скелетов в шкафу у нашей экономики находится, и в каком на самом деле состоянии находится наша экономика.

По огромному количеству факторов, которые мы наблюдаем в последнее время, можно сделать вывод, что от этой суперэйфории, вызванной синхронной работой печатных станков основных мировых центральных банков, мы от нее уже отходим, мы сейчас видим, как обостряется торговая война между Соединенными Штатами и Китаем, мы видим, что Китай уже не может дальше печатать деньги в таком объеме. Напомню, и нам тут очень часто говорят про большие долговые проблемы Соединенных Штатов, забывая о том, что в Европе долговые проблемы больше значительно, а в Китае они больше практически на порядок. То есть эффективность китайской экономики просто чудовищная. Да, Китай совершил чудо, совершил рывок, я здесь с коллегами согласен, что монетизация экономики для того, чтобы экономика куда-то двигалась, должна быть значительно больше, чем она есть. Но в Китае она была настолько высокой, что рост происходил в основном за счет низкой эффективности, и как раз таки эти все неэффективные предприятия, которые в нормальных рыночных условиях бы не смогли дальше существовать, они существуют, производят где-то качественный, где-то некачественный товар, они закредитованы таким образом, что либо китайцам нужно кратко девальвировать свою национальную валюту и списывать долги, либо банкротить как минимум половину страны. Понятно, что они не пойдут ни на одну, ни на другую, ни на третью, и сами не знают, как будут выходить из этой ситуации. Америка, лишая их такого стратегического преимущества, которое у Китая было в связи с тем, что китайцы так и ни разу не выполнили свои обязательства по ВТО и получали преференции на мировой торговле, сейчас Трамп эту историю исправляет, соответственно, перекосы в мировой торговле будут убираться. Кредитное сжатие в Китае на текущий момент существует уже больше года. В течение порядка 13 месяцев количество работающих кредитов в Поднебесной сокращается.

[02:05:19]

Конечно, к чему это приводит. Это уже привело к затоварке на китайском рынке основных сырьевых товаров и запуску неделю назад фьючерсов на нефть на Шанхайской бирже. Могу здесь провести параллель с запуском фьючерсов на биткоин в конце прошлого года...

Владислав Жуковский: К чему это привело.

Владимир Левченко: Перед тем, как на Чикагской товарной бирже запустились фьючерсы, биткоин нужно было вырастить на ровном месте в 20 раз, а затем его начали продавать.

То есть Китай – крупнейший в мире импортер нефти. Вопрос: зачем им дорогая нефть? Вы являетесь крупнейшим потребителем какого-то товара, который является причем неконкурентным, его в мире переизбыток, этой нефти, по большому счету, в мире сколько

удовно, и вы запускаете у себя торги, то есть пытаетесь хоть как-то влиять на ценообразование. Зачем? Чтобы платить еще больше? как-то странно. Это не бизнес, в общем-то. Это понятно.

Владислав Жуковский: Если про Россию, про национальную экономику, про несырьевой бизнес, про уровень жизни населения, качество жизни населения? Все-таки нас впереди ждет эта эпоха процветания и рывка вперед в пятерку крупнейших экономик мира, хотя напомним, что по номинальному размеру ВВП мы 13-14-я экономика мира, по паритету покупательной способности тоже в диапазоне 13-я... Ну, по-разному считают, нас подвигают и на 6-е место, и так далее. А ВВП на душу населения по ППС, по обменному курсу – 57-65-я. Здесь что, шоковая девальвация, дефолт?

Владимир Левченко: Дефолта быть не может, потому что государственные долги низкие. Могут быть действительно массовые дефолты российских компаний. Этот фактор действительно грозит. Девальвация – это единственный способ решить все проблемы, потому что как что такое неэффективная судебная система? Что такое, опять же, когда у нас слишком высокая доля государства? Это падение эффективности то же самое, опять же, падение производительности труда. Что такое выпадение страны из системы мирового разделения труда, которое мы наблюдаем? Это целенаправленное действие наших властей. Это падение уровня жизни. Потому что чем меньше глубина разделения труда в экономике, тем меньше средний уровень жизни по понятным причинам, потому что дворник всегда живет хуже профессора, очевидно.

Владислав Жуковский: В России уже нет. У нас в ГБУ «Жилищник» формально заработные платы под 45-50 тыс. руб., местами для 65 тыс. руб., а у профессора МГУ, да и МГИМО, они бывают 35-40 тыс., поэтому мы уже перешли в эту стадию, когда у нас работники сферы коммунальных услуг живут лучше, чем многие преподаватели в региональных вузах.

Владимир Левченко: Это к вопросу о ценностях.

Владислав Жуковский: Это еще хуже.

Владимир Левченко: Да, это к вопросу о ценностях, о ценностях образования, о ценности знания и так далее. Поэтому здесь перспектива очень простая.

То, о чем я сказал – показатель денежного мультипликатора, – он говорит, что мы уже висим над пропастью. Таких точек роста, которые могли бы куда-то двинуть нашу экономику, их нет. Тут недавно коллеги начали стучаться в дверь к Росстату и говорить: «Уважаемые, объясните нам, как получили эти показатели. Они у нас не бьются совершенно ни с чем. Почему так сильно в разные стороны ходит динамика

промышленного производства, расходов населения и валового внутреннего продукта страны? Так не бывает в принципе. Покажите, как вы там считаете». Как у Жванецкого – надо что-то править в консерватории.

Николай Коломейцев: Извините, у нас Росстат сегодня ведомственная структура Минэкономразвития. В такой ситуации достоверных данных вообще невозможно получить.

Владимир Левченко: Естественно. Вопрос в том, что если до последнего времени эти цифры хоть как-то бились, то сейчас они биться перестали.

Владислав Жуковский: Статистика – инструмент политический.

Владимир Левченко: В принципе нет, к большому сожалению, поэтому государственное управление всегда проигрывает управлению частному, где либо мы результат получаем, либо нам кушать нечего завтра. Пока не будет подобной структуры... А ее не будет, потому что мы понимаем, что большинство населения устраивает та политика, которая проводится в настоящий момент, потому что PR победил холодильник. И в этом направлении мы, скорее всего, будем двигаться дальше.

Владислав Жуковский: То есть Кошечкина игла как некий агрегированный сюрреалистичный образ Останкинской телебашни, на самом деле, хорошо себя показал на выборах в 2018 году. Пока холодильник проигрывает телевизору, и интернет пока не дает...

Владимир Левченко: Холодильник, на мой взгляд, проиграл телевизору навсегда. Интересно почему? У нас за физическое восприятие ответственные определенные части лобных долей головного мозга. При определенном воздействии на эти лобные доли в какой-то момент человек может вообще перестать есть, и будет себя... Просто мы проводили исследование больных анорексией. Человек же сам убивает себя при анорексии. Что мы видим?

Что начали делать жители нашей страны, когда в течение трех лет стабильное падение реальных доходов? Люди начали экономить на том, на чем экономить нельзя экономить никогда – начали экономить на продуктах питаниях. Увеличилось потребление... Ну, я это продуктами назвать не могу. Увеличилось потребление суррогатов. Мы видим, к чему привели санкции с молочными продуктами вместе с выросшим курсом рубля. У нас молочных продуктов в супермаркетах фактически нет. Официальные данные, что 70% – это не сыр, а сырный продукт. Это официальные данные. Нужно заниматься именно качеством жизни. Проблема в том – процитирую Салтыкова-Щедрина: «За 30 лет в России можно изменить все, за 300 – ничего». Проблема как раз в том, что у нас пытаются, как в СМИ, чтобы мышление стало фрагментированным. У нас пытаются решить проблему

моментально. Мы хотим сейчас что-то увидеть. Люди должны видеть сиюминутный результат. Нельзя ничего решить сиюминутно, это вопрос нескольких поколений, поэтому нужно готовить людей к тому, что работать надо в течение очень длительного периода времени.

Владислав Жуковский: И нести за это ответственность, я так понимаю, очень многие не любят, особенно в нашей и вертикали власти.

Владимир Левченко: Конечно.

Владислав Жуковский: Спасибо большое! У нас еще один спикер – Кирилл Евгеньевич Муравьев, представитель на стыке финансовых рынков и новых технологий. Владимир уже сказал по блокчейну, по криптовалютам. У Кирилла опыт работы был в инвестиционных компаниях, банка. Плюс как раз таки сейчас как совладельцу компании Blockchain Investment Solutions, мне просто интересно понять, я с 2008 года, с новой доктрины Медведева мы слышим, что экономика знаний – это наше будущее, необходимо слезть с сырьевой иглы, с этого сырьевого кола, как правильно говорит Дима. И куда мы влезаем? Говорят, что блокчейн изменит все. Не будет коррупции, не будет воровства, не будет судебных посадок, рейдерских захватов, не будет никаких проблем, все решим. Что сейчас с этим рынком происходит? У меня такое ощущение, общаясь со своими партнерами и друзьями по бизнесу, что все-таки, судя по всему, и эту отрасль решили также успешно грохнуть, задушить в объятиях, как задушили когда-то инновации, модернизации, нанотехнологии. Куда мы движемся и к чему это приведет?

[02:12:50]

Кирилл Муравьев: Коллеги, у нас тема выступления «От застоя к развитию: угрозы, вызовы и перспективы». О застое, об угрозах, о вызовах мы уже достаточно поговорили.

Владислав Жуковский: Давайте развитие найдем где-нибудь.

Кирилл Муравьев: Да, давайте попробуем найти луч света в темном царстве. Ни для кого не секрет, что появилось такое явление, наверное, одно из наиболее ярких явлений за 2017 год – это биткоин. Даже произносить это слово иногда немного страшно или судорожно, боязно – по-разному. На самом деле, биткоин – это лишь маленькая часть технологии блокчейн, которая действительно внедряется повсеместно, массово. Эту технологию поддерживает и Правительство, и частный сектор, и Россия.

Можно сказать, что у нас даже президент, по словам Юрия Ивановича, заболел цифровой экономикой. Некоторые наши соотечественники являются наиболее яркими

представителями мирового блокчейн-сообщества. Наверняка все слышали о Виталике Бутерине, о Павле Дурове, об Алексее Иванове. Список можно продолжать и дальше.

Казалось бы, все есть для того, чтобы действительно развивать эту отрасль. Вроде бы государство позитивно смотрит на это, но, нет-нет, проскакивают такие странные моменты. Где-то в конце лета возвращались из командировки, как выходили через зеленый коридор, и перед нами затормозили парня. У него открыли чемодан, и кошмар, у него обнаружили ASIC. Для тех, кто не знает, ASIC – это устройство для так называемого майнинга, то есть производства криптовалют. В частности тот был как раз для производства биткоинов. С точки зрения угроз он не опаснее, чем хлебопечка или микроволновка, он примерно такую же опасность для общества несет, но надо было видеть реакцию таможенников. Один из них реально взял в руки и начал кричать: «Смотрите, у него ASIC, ASIC!». К нему подбежало еще двое. И складывается впечатление, что в тот момент, если бы к ним подошел другой коллега и сказал: «Смотрите, сейчас я поймал наркокурьера с полными чемоданами», ему сказали: «Да ладно тебе, расслабься. У нас тут посерьезнее клиент – ASIC провозит». Это дико смешно. Казалось бы, маленький инцидент, про который можно забыть. Но из таких мелочей складывается отношение к отрасли.

[02:15:09]

Справедливости ради, это не только в России. В Америке к людям в дома вламываются вот сотрудники правоохранительных органов, выбивают двери, ловят их и крутят за то, что они продают биткоины в частном порядке. В Китае это вообще, чуть ли это не святой поход или охота на ведьм с огнем и мечом. Действительно, такое имеет место быть. И вот при таких условиях мы говорим с вами об отрасли, которая развивается даже не семимильными, а какими-то космическими рывками.

Вдумайтесь, за один год мы увидели рост отрасли с 17 млрд до в моменте 800 млрд. Это мы говорим только о рынке криптовалют. Мы видели повсеместное внедрение новых технологий, появление качественно новых технологий. На самом деле, мы говорим о биткоине, эфире. Есть больше тысячи других монет, которыми можно перечислять, но Instagram представляет именно технология.

Много говорилось о том, что у нас в стране огромный человеческий потенциал, интеллектуальный потенциал. И как раз таки именно эта отрасль, отрасль цифровой экономики, блокчейн-экономики дает возможность реализоваться этому самому потенциалу. О представителях российского блокчейн-комьюнити говорят не только у нас в стране, но и на международных конференциях, на разного рода хакатонах, в Америке, в Азии. Мы участвуем в очень многих проектах. Мы говорим сегодня об отрасли, которая не

только растет с точки зрения катализации. Да, сейчас находится в фазе коррекции, это неизбежно. Коллега Владимир может много рассказывать о том, почему рынком можно манипулировать и как им манипулируют.

Естественно, раздувается пузырь, потом в какой-то момент он схлопывается. Но криптовалюты сами по себе являются не фундаментом, а фундаментом являются именно технологии, которые позволяют развиваться экономике, которые могут позволить дать качественно новый толчок, в том числе и российской экономике. Благо, для этого у нас есть весь потенциал.

Мы говорим с вами о майнинге. По сути, что такое майнинг? Любой желающий может сдать свои мощности, то есть свой компьютер или специализированное оборудование в пользование для того, чтобы осуществлялся процессинг, осуществлялись транзакции. Желательно большое количество электромощностей, холодная температура и дешевая электроэнергия. Казалось бы, вот, все у нас есть. Но на сегодняшний день Россия занимает, по разным оценкам, от 4% до 5% в мировом майнинге, хотя сегодня инвесторы очень активно идут в блокчейн в целом, и в майнинг в частности. Более того, парадоксально то, что здесь никто не просит у государства денег, здесь нет такого, что «Наши проекты требуют колоссальных инвестиций». Нет, есть частный сектор, который очень охотно вкладывается сегодня в разные проекты. И в финансовый сектор, и в сектор, связанный с разработкой искусственного интеллекта, и в медицину, здравоохранение, блокчейн. Действительно, он внедряется во все абсолютно отрасли.

Что мешает? Это отсутствие нормального правового поля. Слава богу, 25 января Минфин представил законопроект, в котором уже все-таки появились такие термины как криптовалюта, токены, ICO. Все это дает надежду на то, что в каком-то обозримом будущем мы получим нормальное правовое поле, в котором смогут развиваться компании из сегмента блокчейн. То есть оборот криптовалюты станет более прозрачным и понятным. Это позволит привлечь уже крупный капитал.

Интересен тот факт, что если в начале года представители финансового истеблишмента, мирового истеблишмента, то есть это такие банки как Goldman Sachs, J. P. Morgan, Bank of America говорили о том, что «Мы с вами говорим о криптовалютах, которые ничем не подкреплены. Это пирамида, это инструменты для отмывания операционных доходов», то почему-то в конце года они уже говорят открыто: «Давайте заходите к нам, мы вам поможем купить фьючерсы на криптовалюты, в частности на биткоин». То есть уже нет такого отторжения у финансового сектора к криптовалютам, криптовалюты как явление

приняли. И, скорее всего, дальше мы увидим поэтапное развитие этого рынка. Хотелось бы, чтобы наша страна не осталась в стороне.

Само по себе развитие отрасли блокчейн не станет фундаментом новой экономики для России, но по крайней мере действительно может стать хорошим большим первым кирпичом для качественного нового восстановления российской экономики.

Владислав Жуковский: У меня один вопрос, больше провокационный: а почему эти замечательные люди, которые создавали эти новые блокчейн-технологии распределенного децентрализованного реестра, почему они находятся территориально все дружно не в России – вроде бы здесь же у нас акцент на модернизацию, инновации, человеческий капитал, новые слова появились даже в Послании Президента России, вроде как от стабилизации мы идем куда-то вперед, – почему-то они все находятся то ли в Штатах, то ли в загнивающей Европе, то ли еще где-то? Чего им не хватает здесь? Почему в России нет? Ведь вроде бы уже как могли пытались заманить, но при этом и предприниматели из России уезжают сами, увозят семьи. Напомню, что только по прошлому году что-то около 1700 граждан России приобрели себе гражданство на Мальте, инвестировав в экономику этой страны. Плюс 35 млрд долларов чистый вывоз капитала только по итогам 2017 года частным бизнесом. Я понимаю, что это крупный капитал был. Чего не хватает здесь? И даже Академия наук отмечает, что в два раза за три года выросла утечка умов высококвалифицированных кадров с 2013 года. Вроде бы разговоров много, постоянно какие-то прожекты, конференции, форумы, приглашаем сюда и Виталиков Бутериных, и всех подряд, но при этом вот, ну, не смогла. Как говорится, не растёт никуда оно.

Кирилл Муравьев: Если говорить серьезно, то в части блокчейн-проектов не могу сказать, что прямо все стремятся здесь все быстрее перерегистрировать и уехать за границу. Есть масса проектов с базированием именно в Москве или в Питере. Более того, приводилась интересная статистика в конце осени прошлого года, где приводились данные по национальностям и базированию этих людей в крупных ICO, которые проводились по итогам года. Очень существенный процент как раз таки находится в Москве и в Петербурге. Поэтому здесь это, можно сказать, как позитивная тенденция, хороший знак. Главное – просто поддержать это начинание.

Многие представители венчурной отрасли, венчурного инвестирования – все-таки мы относим весь этот сегмент в целом именно к венчуре – ищет финансирование в Америке. Ни для кого не удивительно. Все-таки основной капитал в венчурной среде там, и правовая база там отличается от нашей. Есть к чему стремиться.

Тем не менее, у этой отрасли еще один большой плюс. Здесь не нужно быть крупным инвестором, не нужно работать в какой-то финансовой структуре для того, чтобы попасть в этот рынок. Достаточно обладать совсем небольшим капиталом, вообще небольшим, для того, чтобы поучаствовать или в ICO какого-то интересного проекта, или сформировать себе портфель криптовалют. Сделать это сегодня достаточно не могу сказать, что просто, потому что, как мы сказали выше, регулирования нет, но особых проблем вообще не вызывает. Любой желающий может попробовать часть своих средств. Единственное, я вас сразу призыву к одному – лишь небольшую часть. Индустрия с огромной волатильностью, огромными рисками. Но некую часть инвестировать именно в блокчейн.

Плюс блокчейна в том, и всего распределённого реестра в том, что он не имеет границ. Это очень большой плюс. Из любой точки мира вы можете поучаствовать практически в любом проекте. Хотите, вы можете стать инвестором в криптовалюту, или сформировать себе портфель из криптовалют. Хотите, если вы верите в биткоин, то купите себе один биткоин, или сформируйте портфель из Bitcoin, EOS, Ethereum, Stellar Lumens, Ripple, еще чего угодно. Если вы хотите поучаствовать в ICO Telegram – почему бы и нет? Опять же, наш соотечественник почти что установил рекорд.

Владислав Жуковский: Уехавший из России по собственному желанию. Подтолкнувшись.

Кирилл Муравьев: Да. Если вы хотите наиболее простой способ заработка на рынке криптовалют, даже не простой, а стабильный, который можно сравнить с приобретением некоего денежного потока – это участие в майнинге. Здесь, опять же, масса подводных камней, но сегодня есть ряд фондов, которые предоставляют возможность вложиться в майнинг-индустрию, опять же, используя совсем небольшой капитал.

Владимир Левченко: Пару слов, так как я являюсь тут с некоторого времени первым в России официальным представителем одной из криптовалютных бирж. На прошлой неделе были две крупных конференции в Москве по криптовалютами, приезжало большое количество азиатских представителей. И я хорошо знаком с главой криптоассоциации Гонконга, его можно было послушать у нас на Business.FM на прошлой неделе, я записывал его интервью. Азия очень активно развивает этого сегмент, вкладывается очень активно. И что самое интересное, у крупных азиатских инвесторов есть очень большой интерес к нашей стране, именно с точки зрения рынка, связанного с высокими технологиями, блокчейном. То есть мы не видим здесь каких-то перспектив. Они смотрят настолько далеко, что они понимают, что если в нашей стране действительно развивать эти технологии и увеличивать коммуникацию, то потенциал роста экономики действительно

очень большой, потому что через использование блокчейна можно побороть коррупцию. Это одна из моих идей, это нужно внедрять.

Я являюсь категорическим противником майнинга, я везде говорю, что я предлагаю отправлять на исправительные работы майнеров или сажать в тюрьму. Что такое майнинг? Это перевод киловатт-часов в ничто, в запись на электронном счете. Мы тратим дикое количество электроэнергии, просто уничтожая нашу планету, просто так. Это то же самое, как у нас в городе, асфальт положили свежий, и тут же его содрали, и тут же кладут свежий. Что это такое? Это уничтожение ресурсов планеты. С майнингом абсолютно та же история. Нужно уходить от этого.

Например, есть всем известная криптовалюта Ripple, для которой не нужен майнинг, к примеру.

Кирилл Муравьев: Которая в принципе не является криптовалютой.

Владимир Левченко: Она основана не на блокчейне просто-напросто. И вообще в принципе криптовалюты не являются валютами, на самом деле. Это уже другая и более длительная история. Но в этом сегменте действительно есть очень большой потенциал роста. И возможно, действительно, эта история позволит нашей стране уйти из той изоляции, которая приводит к экономическому сжатию и падению уровня жизни в долгосрочной перспективе.

[02:25:56]

Кирилл Муравьев: Самое главное, что здесь, в отличие ряда проектов, не нужно тратить годы на перестройку экономики. Все можно сделать достаточно быстро. И самое главное, дешево. Здесь не нужны огромные инвестиции в производство. Самое главное – это поддержка государства.

Владислав Жуковский: Чтобы просто не мешало.

Коллеги, большое вам спасибо за вашу морально-нравственную и качественную выдержку. Мы сорвали все возможные временные рамки, и мы не пообедали, но я думаю, что вам было интересно. Если есть вопросы к нашим участникам, спикерам, можно прямо сейчас уже после конференции пообщаться, пытаться их отдельно и сделать фотографию на память. Спасибо большое!

[02:27:04] [Конец записи.]

4 апреля вторая сессия